II. НА РОДИНЕ

1. Оценка Февральской революции и возвращение в Россию

Трудно переоценить место «роковой для революции»[1] проблемы войны и мира в общественно-политической жизни России 1917—1918 гг. На важность данной проблемы указывали и в 1917 г., и позднее многие политические деятели страны. Являвшийся до начала 1918 г. одним из лидеров трудовиков и энесов Владимир Станкевич, например, полагал, что после победы Февральской революции вопрос о войне стал «главным вопросом русской жизни»[2]. Столь же однозначно-категоричным было высказывание Ф. Дана на Всероссийской конференции меньшевистских и объединённых социал-демократических организаций 8 мая 1917 г. В самом начале своего доклада Дан заявил: «Товарищи, вопрос о войне есть основной вопрос русской революции»[3]. Другой социал-демократ Владимир Войтинский считал, что «основу всей русской революции» составляли два вопроса — о войне и аграрный. К этому он также добавлял, что к концу апреля 1917 г. «то или иное отношение к войне стало основным признаком общественных группировок в России: *за войну до конца* — означало *против революции*; *против войны* — означало *за революцию*»[4]. И, наконец, главный герой настоящей работы Г. Плеханов писал в апреле 1917 г. в газете «Единство», что «вопрос о войне является теперь у нас одним из тех вопросов, которые более других привлекают к себе общественное внимание, сильнее других волнуют общественные страсти»[5].

Многие из единомышленников Плеханова встретили Февральскую революцию непосредственно в России. Самому же Георгию Валентиновичу не посчастливилось быть свидетелем или участником события, делу приближения и организации которого он служил всю свою сознательную жизнь. Ещё в 1909 г. из-за ухудшения здоровья Плеханову пришлось поселиться с семьёй в Сан-Ремо на итальянской Ривьере. Его супруга Розалия Марковна сняла там небольшую виллу, где вместе с дочерью Лидией, тоже врачом, открыла санаторий. Именно за завтраком в этом санатории 1 марта 1917 г. до Плеханова дошёл слух, подтвердившийся затем телеграммами в итальянских газетах, что в России произошла революция.

Встречено это известие было всеобщим восторгом, а Г. Плеханов, сидевший перед этим за статьёй о Радищеве и собиравший материалы о декабристах для очередного тома «Истории русской общественной мысли», оставил свои занятия и пошёл бродить по Сан-Ремо, чтобы прочесть вывешиваемые в разных частях города последние сообщения о российских событиях. В процессе прогулки, услышав разговоры итальянцев, что

Россия теперь перестанет воевать, так как революция вызвана нежеланием продолжать войну, и расценив такое объяснение как оскорбление своего народа, Плеханов старался уверить собеседников, что теперь-то Россия станет хозяином своей судьбы и будет защищаться, как никогда, от хищнических поползновений немцев. «Революция, — объяснял он итальянцам, — произошла не потому, что русский народ не хотел сражаться, а потому, что он был обманут царизмом и его слугами, изменявшими народу и предававшими Россию немцам»[6].

Забегая немного вперёд, необходимо признать, что это убеждение Плеханова было, пожалуй, чересчур оптимистичным, явившимся следствием определённой эйфории от произошедшего революционного переворота, а также оторванности от места событий. Реальная действительность была заметно печальнее его радужных ожиданий. Посетивший Г. Плеханова весной 1917 г. тогдашний Верховный главнокомандующий генерал Михаил Алексеев, тонко понимавший психологию солдата-крестьянина, «которого павшая дисциплина превратила в хозяйственного мужика, думающего только о том, чтобы вернуться к своей сохе и семье», привёл Георгию Валентиновичу одну из своих бесед с солдатом-крестьянином из Орловской губернии. «Зачем воевать, это пустое, — заявил солдат. — Да нам война навязана. — Так надо просить мира. — Тогда на нас наложат контрибуцию, заберут наши земли. — Земли у нас хватит, а что касается контрибуции, то разложим её по душам. Ну сколько на мою душу придётся — 60 рублей, ну 100. Так я скорее готов заплатить 100 рублей и остаться в живых»[7]. В. Станкевич, немалое время проведший на фронте и не понаслышке знавший о подобных настроениях в российской армии, также вспоминал, что, видя процесс её постепенного разложения, для своего отношения к событиям первых дней Февральской революции он сразу же нашёл формулу: «Через десять лет будет хорошо, а теперь — через неделю немцы будут в Петрограде»[8].

Следует признать подобные оценки более объективно отражавшими российскую революционную действительность 1917 г., чему имеются и другие свидетельства. Меньшевистский историк Юрий Денике, к примеру, писал, что по мере того, как становились известными фактические данные о положении России к моменту, когда произошла Февральская революция, более ясно осознавалось, что «об успешном ведении войны уже не могло быть и речи. Россия уже была побеждённой страной. …Представление, которое существовало у некоторых политиков, в том числе и у некоторых социалистов, что революция должна вдохнуть новые силы в уже разбитую и разлагавшуюся армию, было чистой иллюзией». К сказанному Денике добавлял, что о русской победе после февраля 1917 г. могли мечтать только люди, совершенно не знавшие или игнорировавшие реальное состояние страны[9]. Приходится признать, что именно к таким

людям и относился в первые дни и недели Февральской революции Г. В. Плеханов.

Чуть позже прозрение наступило: «Наша военная мощь быстро клонится к упадку, — писал Плеханов в статье «Отечество в опасности» из «Единства» от 2 мая 1917 г.; — наша армия разлагается, и процесс её разложения зашёл так далеко, что Россия находится на краю гибели»[10]. «Революционный переворот не вызвал немедленного усиления боевой мощи русской армии и готовности её идти в наступление на армию кайзера, во имя свободы, — вторил ему в июне того же года Г. Алексинский. — Даже напротив, как тыл, так и фронт стали подвергаться распаду и разложению…»[11] Но это было позже, а пока Георгий Валентинович готовился к возвращению в Россию.

Сначала Плехановы приняли решение отправиться на Родину, как только там наступят тёплые дни. Резкий переход от мягкого итальянского марта к холодному и ветреному климату столицы России мог негативно отразиться на состоянии здоровья Георгия Валентиновича. Однако его коллеги по «Призыву» (Н. Авксентьев и др.) считали, что в Россию нужно ехать как можно скорее, и Г. Плеханов быстро признал их правоту: «Надо сделать всё, от нас зависящее, — писал он А. Любимову в марте 1917 г., — чтобы у нас не повторились июньские дни 1848 года. Во Франции эти дни привели ко второй империи; у нас — приведут к реставрации (весьма продолжительной)»[12]. Ещё более убедили в необходимости срочно ехать на Родину пришедшие из Петрограда телеграммы друзей и единомышленников Георгия Валентиновича, умолявших приезжать немедленно, так как «его присутствие они находили крайне необходимым для правильного хода и торжества революции». Долго уговаривать себя Г. Плеханов не заставил. «Надо быть на посту, — говорил он, — я — солдат революции. Она меня зовёт, и я должен быть там, где требуют меня её интересы»[13].

Но перед принципиально решившим вопрос о немедленном возвращении на Родину Плехановым стояла ещё одна проблема. Возвращение в Россию кратчайшим путём, через Австро-Венгрию или Германию, было для него невозможным сразу по двум причинам. Во-первых, для занимавшего патриотическую позицию Георгия Валентиновича был нравственно неприемлем путь через воевавшие с Россией государства. Во-вторых, сами державы Четверного союза ни в коем случае не пропустили бы через свою территорию столь яростного сторонника их самого решительного поражения в Первой мировой войне. Поэтому оставался один путь на Родину — через Францию, Великобританию и страны Скандинавии.

Российских революционеров, вернувшихся домой через Германию, Плеханов публично осуждал. Узнав, например, что некоторые из них по возвращении из эмиграции заходили в редакцию «Единства» и хотели узнать там его адрес, Георгий Валентинович поместил 16 мая 1917 г. в № 40 газеты «Вынужденное заявление» о том, что встреча с такими людьми являлась бы для него «нравственно невозможной»[14]. Г. Алексинский, полагавший, что «реакционное правительство Германии и её военные и полицейские власти самым явным образом стараются использовать наших социалистов-германофилов в своих интересах», также высказывался в 1917 г. о проехавших через Германию эмигрантах как о людях, не нашедших в себе «достаточно гордости и корректности, чтобы с презрением отклонить эту любезность» со стороны германского правительства. Он считал, что «непоправимую ошибку сделали те малодушные люди, которые, будучи русскими революционерами и социалистами, унизились до того, что соглашались пользоваться милостью и покровительством австрийских и немецких властей во время войны»[15].

Однако вернёмся к собиравшемуся в дорогу домой Георгию Валентиновичу, у которого вскоре после получения известий о Февральской революции в России появилась реальная возможность для возвращения туда вместе с делегацией французских и английских социалистов. Рано утром 12 марта чета Плехановых покинула Сан-Ремо. Трёхнедельный вояж по маршруту Сан-Ремо—Париж—Булонь—Лондон—Абердин—Берген—Христиания—Стокгольм—Торнео—Петроград Г. Плеханов перенёс мужественно. Путешествие это, по настоянию французов и англичан, происходило с соблюдением максимальных требований конспирации. Напомним, что 1 февраля 1917 г. Германией была объявлена Великобритании «неограниченная подводная война». И когда Плехановы выразили удивление по поводу излишне строгой конспирации вокруг своей поездки, то их английские и французские товарищи объяснили им, что, «кроме постоянной опасности со стороны подводных лодок, она тогда ещё усугублялась тем, что на судне будет Плеханов. Немцы, говорили они, употребят все старания, чтобы потопить это судно»[16].

Однако опасность всё же миновала и в ночь с 31 марта на 1 апреля Г. Плеханов и его попутчики благополучно прибыли на Финляндский вокзал Петрограда. Массы представителей разных слоёв населения (по сообщениям французской печати, Плеханова встречали более 20 тысяч человек) встретили их восторженными криками «Ура!», «Добро пожаловать!», красными знамёнами и звуками «Марсельезы». Когда Георгий Валентинович вышел из вагона, «сотни рук с ликующими улыбками и восторженными глазами протянулись к нему: его обнимали, прижимали, целовали». Больной Плеханов (с 1887 г. он страдал туберкулёзом горла) от таких бурных проявлений восторга едва не лишился чувств: «Из чрезмерной любви ко мне, — сообщал он потом, — дорогие соотечественники чуть не задушили меня на радостях»[17].

Растроганный и счастливый Георгий Валентинович, отвечая на многочисленные приветствия и вопросы встретивших его журналистов,

среди прочего, заявил: «Я считаю, что революция была сделана против правительства не потому, что оно вело войну, а потому, что оно не хотело вести её надлежащим образом, и вело дело к поражению. Теперь, когда враг внутренний свергнут, энергия в борьбе с внешним врагом должна быть удесятерена»[18]. Можно с уверенностью сказать, что многие из встречавших не были знакомы тогда с «военной» позицией Плеханова. Когда они узнают о содержании её в деталях, чувства радости и восторга сменятся на противоположные. «Хотя Плеханова и встретили как героя, — верно замечает современный американский историк Сэмюэл Бэрон, — стало очевидно, что его политическая повестка дня, в которой приоритет был отдан победе над Германией, не соответствовала настроению революционного Петрограда»[19].

Через некоторое время после приезда на Родину Г. Плеханов и его единомышленники, на основе проведённого уже на месте событий анализа, высказали свои мнения о свершившейся революции, а также о связи её с Первой мировой войной. Для Плеханова это была «великая», «славная мартовская революция», которую «сделала страна», весь народ при помощи армии[20]. Также не была им забыта и роль Думы и социалистических партий в произошедших событиях: «Народ восстал, разразилась буря, и наша Государственная Дума поддержала эту бурю, — говорил Плеханов. — Она содействовала ей, и в этом её великая заслуга. ...Но надо помнить, что для того, чтобы против позорного режима самодержавия восстал, наконец, весь народ, нужна была чрезвычайно продолжительная, упорная и самоотверженная работа. И с историческим беспристрастием надо сказать, что эту... работу сделала... крайняя революционная демократия»[21].

На неразрывную связь революции с мировой войной указывали некоторые из соратников Г. Плеханова. «Война родила революцию»[22], — писал один из лидеров группы «Единство» В. Катин-Ярцев. «Российская революция, в том виде, как родилась она, — дитя войны, — подчёркивал Г. Алексинский. — Конечно, государственный переворот и падение старого строя в нашей стране подготовлялись уже давно, — долгими-долгими годами несправедливости и гнёта, которыми полна история самодержавной России. Но война ускорила революционный взрыв и создала внутри страны такое положение дел, при коем переворот стал вдвойне неизбежным и более лёгким». Изумительную лёгкость и быстроту переворота Григорий Алексеевич объяснял тем, что «он возник и развивался на почве войны, на почве национальной обороны. Именно это обстоятельство свело к нулю число приверженцев и защитников старой власти... Отстаивать царизм во время войны значило губить страну, отдавать Россию на погром немецкой армии, помогать предательской работе тех, кто хотел опозорить Россию сепаратным миром с Германией. ...Успеху революции и лёгкости её совершения... способствовало... и то обстоятельство, — заканчивал Алексинский, — что она воспринималась значительной частью народа как борьба с германофильскими кругами и немецким влиянием на внутреннюю жизнь России и её внешнюю политику»[23].

2. Образование и состав группы «Единство»

Идейное размежевание, произошедшее в меньшевистской среде с началом Первой мировой войны по вопросу о том или ином к ней отношении, в 1917 г. сохранялось и всё более углублялось. Следует признать, что организационные рамки меньшевистской части РСДРП всегда отличались чрезвычайной зыбкостью, чему существует масса свидетельств. «Элемент принудительный в меньшевизме (...партийная дисциплина и прочее), — отмечал меньшевистский историк Григорий Аронсон, — даже в полосу легальности и полулегальности почти не имел реальной силы. Понятия иерархии, субординации, тем более авторитарности и вождизма, ни в какой мере не были характерными для меньшевизма»[24]. Он никогда не являлся единым идейно-политическим течением, распадаясь на множество групп с неповторимыми оттенками взглядов, нередко связанными с отличительными чертами их лидеров. Другой меньшевистский историк Борис Сапир объяснял этот факт тем, что «меньшевизм складывался в самостоятельное течение медленно... и далеко не сразу осознал свою принципиальную противоположность фракции Ленина»[25].

Итог годами копившихся противоречий был печален, к революции 1917 г. меньшевики подошли в крайне разъединённом состоянии. В обращении ОК РСДРП к партийным организациям в первой половине марта отмечалось: «Революция застала наши организации разбитыми и распылёнными при полном отсутствии связи между городами и промышленными центрами. Положение в этом смысле было хуже, чем в худшие времена подпольного существования»[26]. И совершенно справедливым в данном отношении является утверждение современного американского историка Зивы Галили, что меньшевизм в этот период был «не более чем группой кружков, каждый из которых отражал жизненный опыт его членов, определялся местом нахождения и видом занятий, а также соответствующим отношением к социальным группам в российском обществе»[27].

С течением времени ситуация если и менялась, то только в сторону ещё большей дифференциации меньшевистского движения на всё новые и новые течения, фракции и группы. Беда меньшевизма заключалась в том, что в 1917 г. «партии, как организованного политического *единства*, в действительности не было. Под одним неопределённым знаменем уживались различные группы, тянувшие в разные стороны и не связанные партийной дисциплиной»[28]. Кроме всего прочего, страдало от этого и пар-

тийное влияние на население страны. Известный меньшевистский историк Борис Николаевский сетовал на то, что в результате продолжавшего тяготеть над меньшевизмом в 1917 г. дробления на фракции и подфракции «меньшевики, игравшие тогда руководящую роль в политическом руководстве Советами, не имели сил для создания мало-мальски удовлетворительного партийного аппарата воздействия на широкие массы…»[29]

Не обошёл вниманием данный вопрос и Г. Плеханов. Задавшись в статье «Пора дерзнуть!», опубликованной в № 106 «Единства» от 3 августа 1917 г., вопросом, что такое меньшевизм и представляет ли он собой сколько-нибудь определённое идейное течение в российской социал-демократии, он ответил на него однозначно: «Нисколько. Между "интернационалистом" Мартовым, целиком усвоившим себе тактику и многие взгляды анархо-синдикалистов, и "оборонцем" Потресовым, …отстаивающим заветы Второго интернационала, нет ничего общего, кроме ярлычка: *меньшевик*»[30]. И, наконец, Плеханов не был бы Плехановым, если бы однажды, с присущим ему умением с юмором смотреть на серьёзные вопросы, не пошутил на эту тему, что меньшевики порой «согласны между собой только в том, что меньшевизм лучше большевизма»[31].

В связи с этим нельзя обойти здесь вниманием вопрос, по которому в исторической литературе не существует единой точки зрения — какое место занимали в рассматриваемый период Плеханов и его единомышленники по группе «Единство»: внутри или вне меньшевизма? Ответы на данный вопрос давались и даются совершенно разные.

Одни исследователи уверенно относили и относят плехановцев к крайне правому, оборонческому течению **внутри** меньшевизма[32]. Некоторые из них приводили пространные аргументы для доказательства правоты своих суждений. Так, Г. Аронсон причислял Плеханова и его «Единство» к группировкам правых меньшевиков, которые никогда не признавали официальных партийных инстанций, поскольку не разделяли проводимого ими политического курса. Вместе с тем, особо подчёркивал Аронсон, такие группировки «неизменно считали себя принадлежащими не только к меньшевистскому направлению в социал-демократии, но и к РСДРП, дорожили фирмой партии, … и этот партийный патриотизм в течение долгих лет самостоятельного организационного существования не уменьшался. Все группировки правых меньшевиков, независимо от своих взаимоотношений с официальными инстанциями РСДРП, принадлежат истории меньшевизма»[33], — резюмировал свои размышления на эту тему Г. Аронсон.

Другие авторы с неменьшей уверенностью заявляли и продолжают заявлять, что в 1917—1918 гг. Г. Плеханов и его соратники находились **вне** рядов меньшевизма[34]. Меньшевик Лев Ланде, например, для доказательства своей точки зрения указывал на тот факт, что Центральное бюро по созыву Объединительного съезда РСДРП, состоявшегося в августе

1917 г., «пригласивши на съезд "всех" социал-демократов, будь то меньшевики, большевики, оборонцы или интернационалисты, не включило плехановское "Единство" в число организаций, приглашённых на съезд»[35].

Есть также исследователи, которые считают более правильным не занимать какую-либо однозначную позицию по данному вопросу, предпочитая крайностям определённый компромисс. Так, например, Д. Далин полагал, что группа «Единство» стояла в исследуемый период «вне партийной организации», но всё же занимала «самую крайнюю в известном смысле позицию на правом фланге меньшевизма»[36]. А современный российский историк Аркадий Корников считает возглавлявшуюся Плехановым группу частью не собственно меньшевистской партии как некоего организационного целого, а включает её в более широкое понятие «меньшевистское движение»[37].

Чтобы найти правильный ответ на вопрос о фракционной принадлежности Плеханова и его единомышленников из «Единства» в 1917—1918 гг., вернее всего снова обратиться к работам самого основателя российской социал-демократии. Затронув эту тему в статье «Партия, или только фракция?», опубликованной в «Единстве» 13 июля 1917 г., Георгий Валентинович предлагал читателям вернуться к событиям 16—17 июля 1914 г. в Брюсселе. Там, напомним, по инициативе Международного социалистического бюро (МСБ) II Интернационала состоялось совещание всех социал-демократических течений и национальных социал-демократических организаций России, большинство участников которого признало необходимым преодоление приносившей большой вред освободительному движению внутрипартийной фракционной борьбы и скорейшее восстановление единой РСДРП, подписав соответствующую резолюцию[38]. Дальнейшие шаги к объединению должны были быть сделаны спустя 3 недели на очередном конгрессе II Интернационала в Вене, но, по иронии судьбы, через 2 недели после объединительного совещания началась Первая мировая война, помешавшая созыву конгресса.

Так вот, членом той объединённой РСДРП, восстановление которой не состоялось по причине развязывания мировой войны, и называл себя Плеханов в 1917 г.: «Война помешала созыву съезда, — писал он в указанной статье, — но она ни коим образом не поставила меня и моих ближайших товарищей за *те пределы будущей нашей партии*, которые начертаны были Брюссельской Конференцией»[39]. Когда выехавший навстречу возвращавшемуся на Родину Плеханову Н. Иорданский подал ему первые номера газеты «Единство», Георгий Валентинович был очень доволен её названием, за которым скрывался смысл, окрасивший всю историю его партийной деятельности и борьбы со времени II съезда РСДРП.

Идее объединения партии он, как известно, посвятил значительную часть своих сил. «С 1903 года, — писала об этом Розалия Плеханова, —

…до Февральской революции 1917 года Плеханов… был охвачен "одной лишь думы властью, одной лишь пламенною страстью" — это объединением партии… В речах и статьях, на конгрессах партии и в Интернационале он стремился к одному: заставить большевиков отказаться от анархически-бланкистских теорий и методов, а "меньшевиков" — от их тенденций, их реакции по отношению к большевикам: перегнуть палку в другую сторону и сделаться партией реформы. Он учил обе стороны мыслить и действовать по-марксистски. Он всегда говорил, что он не большевик и не меньшевик, он марксист»[40]. Что же касается меньшевиков, то их Г. Плеханов считал всего лишь одной из фракций внутри РСДРП[41]. И от позиции этой фракции в 1917 г. он старался как можно далее дистанцироваться: «Позиция меньшевиков — вредная, — говорил Плеханов. — Они не желают видеть, что Россия гибнет, а "Единцы" это видят, понимают, чувствуют. Это уже делает их на голову выше меньшевиков. По отношению к меньшевикам я оказался в печальном положении… вроде курицы, которая вывела утят, поплывших от неё по болоту»[42].

В приведённых выше цитатах и кроется, пожалуй, ответ на дискуссионный вопрос о фракционной принадлежности. Плеханов не был в рассматриваемый период ни меньшевиком, ни большевиком, находясь вне фракций, точнее говоря, **над** фракциями, у истоков основания каждой из которых он в своё время находился. «Отец русского марксизма», основатель российской социал-демократии и автор программы РСДРП, всегда имевший своё собственное мнение по всем серьёзным политическим вопросам, был выше фракционных раздоров внутри партии. Характеризуя однажды свою группу «Единство», само название которой говорит о многом, он подчеркивал, что эта организация «в своей деятельности всегда остаётся чуждой духу секты и всегда пренебрегает доктринёрством». Плеханов осуждал раскол социал-демократической партии, «виртуальными» членами которой называл себя и своих единомышленников из «Единства», мечтая в будущем, преодолев дух фракционности, создать «единую и нераздельную» РСДРП без большевиков и меньшевиков[43]. Таким образом, было бы принципиально неправильным причислять его к какой-либо узкой внутрипартийной фракции или течению. О Г. В. Плеханове можно говорить только как о совершенно самостоятельной единице внутри РСДРП, причём не только в 1917—1918 гг., а и на других этапах существования партии.

В числе ближайших единомышленников Плеханова в данный период, прежде всего, хотелось бы упомянуть Л. Дейча и В. Засулич, бывших его главными сподвижниками ещё со времён народнических организаций и группы «Освобождение труда». Вот что вспоминал об этом дружеском триумвирате Л. Тихомиров: «Между собой все они — Плеханов, Дейч и Засулич жили душа в душу, составляя одно неразрывное целое»[44]. А меньшевичка Конкордия Захарова-Цедербаум, вспоминая о своей первой

встрече с Засулич в 1900 г. в Мюнхене, писала, что это был «редко образованный человек, оказывающий несомненно глубокое влияние даже на Плеханова, который ни одной своей работы не выпустил в свет, не обсудив её предварительно с Верой Ивановной»[45]. И Дейч, и Засулич являлись в 1917—1918 гг. членами группы «Единство», а Лев Григорьевич входил также в редакцию одноимённой газеты. Кроме этого, В. Засулич в августе 1917 г. организовала издание Бюллетеня Московского комитета «Единства» — газеты «Освобождение труда».

Говоря о единомышленниках Плеханова в 1917—1918 гг., нельзя также не упомянуть имена Н. Иорданского и Н. Васильева, которые выступили с инициативой и, не дожидаясь приезда своего вождя, 9 марта 1917 г. оформили создание в Петрограде социал-демократической группы «Единство» плехановского направления. Группа выделила из своей среды Временный комитет, куда вошли Иорданский, Васильев, Бурьянов, а также В. Костицын и В. Чернышёв. С 29 марта она стала издавать газету «Единство» (до 7-го номера её редактировал Иорданский, затем, с 5 апреля, — Плеханов[46]). 9 апреля состоялось учредительное заседание группы, председателем которой был избран Георгий Валентинович.

В 1917 году Н. Иорданский, помимо прочего, был также комиссаром Юго-Западного фронта и прославился тем, что во время корниловщины отдал приказ об аресте поддержавшего Корнилова главкома фронта генерала Деникина, препровождённого затем вместе со сторонниками в тюрьму в Бердичеве. Н. Васильев, всегда занимавший место на крайнем правом фланге меньшевизма, также был давним соратником Плеханова (напомним, что в 1907 г. Георгий Валентинович защищал его от нападок Мартова, требовавшего исключить Васильева из РСДРП за его предложение всем российским прогрессивным партиям от кадетов до социал-демократов на время отказаться от своих программ и «слиться в одной конституционной партии»[47]). Доктор Васильев был заслуженным деятелем РСДРП и совсем не случайно то, что именно он был избран председателем Совещания делегатов Всероссийской социал-демократической организации «Единство», состоявшегося 20—24 июля 1917 г. в Петрограде.

Особое место среди сподвижников Плеханова в данный период продолжал занимать Г. Алексинский — человек, «для которого не существует полумер, недомолвок и этих Иудиных "постольку-поскольку", губящих свободу и родину»[48]. Особое потому, что по своему внутреннему складу Алексинский был отнюдь не «ретивым пажом»[49] Плеханова, как некоторые не совсем обдуманно писали, а человеком очень самостоятельным и независимым. И, хотя он входил в данный период в группу «Единство» и редакцию её газеты, всё же нередко его взгляды на те или иные события политической жизни страны расходились с плехановскими, были ещё более правыми и консервативными с точки зрения революционной общественности. Один из ярких тому примеров — отношение к корни-

ловщине. Если Г. Плеханов написал в № 128 «Единства» от 30 августа 1917 г., что Корнилов «совершил преступление», за которое должен быть «наказан *по всей строгости законов военного времени*»[50], то Г. Алексинский находился в числе тех деятелей (совместно с Владимиром Бурцевым, Леонидом Добронравовым, Марией Малых и некоторыми другими), которые стояли «открыто за поддержку Корнилова»[51].

Но несмотря на это, Плеханов всё же очень ценил принципиальную поддержку Алексинским своих взглядов, прежде всего, на Первую мировую войну и был в числе тех немногих социалистов, которые простили ему связь с газетой «Русская воля». После своего приезда в Петроград он высказал Т. Алексинской такое мнение по поводу сотрудничества её мужа в «Русской воле»: «Я ничего не вижу в этом предосудительного. Но в данный момент мы в России, у нас есть свой орган, нам уже не нужно писать в чужой прессе. Когда вы ждёте мужа? Я глубоко ценю его талант, он нам сейчас так нужен. Ценный он человек»[52]. Не случайно поэтому, что вернувшись в Россию после Февральской революции и поблагодарив Л. Андреева за возможность вести на страницах «Русской воли» патриотическую пропаганду, 23 апреля 1917 г. Григорий Алексеевич вышел из редакции этой газеты, вступил в «Единство» и уже 28 мая был избран членом ЦК группы. К тому же симпатии к «Единству» у Алексинских были семейными. Речь идёт о том, что Т. Алексинская с 1 мая до августа 1917 г. являлась товарищем главного секретаря ЦК группы.

Важная роль в группе принадлежала также П. Дневницкому, «последователю и верному оруженосцу Плеханова»[53]. Секретарём и единомышленником Георгия Валентиновича он стал ещё в годы революции 1905—1907 гг. В 1917 же году, вернувшись в Россию, Дневницкий работал в газете «Единство» вплоть до её закрытия, после чего и далее оставался убеждённым плехановцем. Также рядом с Плехановым, будучи членом ЦК группы «Единство», находилась в это время давняя его соратница Л. Аксельрод. Большую помощь Георгию Валентиновичу оказал в последний год его жизни ещё один давний его коллега по совместной борьбе В. Ольгин (он, как и Дневницкий, был некоторое время секретарём Плеханова).

Кроме вышеперечисленных наиболее известных деятелей руководимой Плехановым группы, не последнюю роль в ней также играли управляющий отделом земского хозяйства МВД России в 1917 г. Борис Веселовский, московский адвокат Сергей Волынский, владелец небольшой типографии в Москве Давид Гершанович, участник восстания в июне 1905 г. на броненосце «Потёмкин» Константин Фельдман, а также Анатолий Браиловский, П. Брюханов, А. Глыбин, Я. Годайн, Н. Добровольская, Э. Завадский, А. Залманов, В. Катин-Ярцев, В. Лебедев, Е. Леонтьев, И. Нестеров, Т. Семечко, С. Столбов, М. Судовский, Г. Толпидский, А. Чистосердов, Э. Шиллер, М. Яковлев и др.

3. Отстаивание принципов

2 апреля 1917 г. Г. В. Плеханов произнёс свою «первую большую речь к русской революции»[54]. Произошло это в ходе Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде. В этой речи, вспомнив о том, что в ходе мировой войны его не раз клеймили ярлыком «социал-патриота», Георгий Валентинович посчитал необходимым ответить критикам своей «военной» позиции и откровенно высказать то, что он думал в то время «об обязанностях русского гражданина по отношению к русской земле». «Что значит социал-патриот? Человек, который имеет известные социалистические идеалы, и, в то же время, любит свою страну? — вопрошал Плеханов. — Да, я… люблю свою страну и никогда не считал нужным скрывать это… …чувства любви к многострадальной России вы из моего сердца не вырвете… Я всегда был за освобождение русской трудящейся массы от ига её домашних эксплуататоров. Но когда я увидел…, что к числу Романовых, …к числу угнетателей русского народа, спешат присоединиться Гогенцоллерны, спешат присоединиться немцы, то я сказал: наша обязанность защищать русский народ от немцев, защищать его от Гогенцоллернов…»[55]

Кроме того, Г. Плеханову пришлось также в данной речи ответить на нелепое заявление в большевистской газете «Правда», что якобы с начала войны он «призывал русский пролетариат всеми силами поддерживать… царское правительство в его войне с правительствами центральных держав». Указав на то, что «царь и его приспешники на каждом шагу изменяли» России и «портили национальную защиту», Георгий Валентинович далее сказал: «Теперь мы сделали революцию и должны помнить, что, если немцы победят нас, то это будет означать не только наложение на нас ига немецких эксплуататоров, но и большую вероятность восстановления старого режима. Вот почему, — подчёркивал Плеханов, — надо всемерно бороться как против врага внутреннего, так и против врага внешнего…». Действительно, на всём протяжении политической деятельности основателя российской социал-демократии, в том числе и в период Первой мировой войны, его очень трудно было заподозрить в симпатиях к царскому режиму, который он называл не иначе, как «изъеденным молью и червями», покрытым «беспримерным в истории позором»[56].

Патриотическая речь Г. Плеханова, произносившаяся «с увлечением, с остроумием и с большим тактом», нравилась аудитории, её часто прерывали оглушительные и продолжительные аплодисменты. Даже политический противник Плеханова Н. Суханов признавал, что в этой речи он «с большим искусством миновал наиболее опасные подводные камни, стёр углы, пошёл далеко навстречу — и победил аудиторию»[57].

Вернувшись домой бодрым и весёлым, несмотря на сильную усталость, Георгий Валентинович продиктовал жене большую статью для «Единства». Это была его первая статья после возвращения в Россию — «Война народов и научный социализм», опубликованная затем в № 5 газеты от 5 апреля. В ней Плеханов в письменном уже виде повторил и развил свой ответ «Правде» на её обвинение в призывах к поддержке царского правительства, попутно охарактеризовав взгляды редакции этого издания как «анархо-синдикалистские»[58].

3 апреля Георгий Валентинович снова выступил с речью перед Совещанием Советов, где выразил глубокое удовлетворение содержанием принятой на нём резолюции «Об отношении к войне». Эта резолюция, автором которой являлся меньшевик Ираклий Церетели, гласила: «...пока продолжается война, российская демократия признаёт, что крушение фронта, ослабление его устойчивости... было бы величайшим ударом для дела свободы. В целях... защиты революционной России от всяких посягательств на неё извне, в видах... решительного отпора всем попыткам помешать дальнейшим успехам революции, Совещание... призывает демократию России мобилизовать все живые силы во всех отраслях народной жизни для укрепления фронта и тыла. Этого повелительно требует переживаемый Россией момент, это необходимо для успеха великой революции»[59].

«Ваша резолюция о войне — золотые слова, — так заканчивал свою краткую речь 3 апреля Плеханов, — ...и в будущем мы не должны сходить с принятого пути. Все вопросы мы должны рассматривать с точки зрения политической целесообразности, ...а в этом отношении, прежде всего, нужно избегать, с одной стороны, всего, что может вызвать преждевременную гражданскую войну, которая может быть полезна только реакции, а, с другой стороны, всего, что может порождать недоразумения между гражданским населением и армией...»[60]

Как и днём ранее, речь Г. Плеханова на закрытии Совещания Советов, часто прерывавшаяся аплодисментами, имела успех. Однако на его здоровье она отразилась очень негативно. «Это выступление было для него роковым», — вспоминала супруга Георгия Валентиновича. Предчувствуя беду, утром 3 апреля она всячески старалась отклонить просьбу совещания о выступлении Плеханова на его закрытии, переданную по телефону товарищем председателя Петроградского Совета Матвеем Скобелевым. «Муж был утомлён, утром скверно выглядел, покашливал. Я заявила об этом товарищу Скобелеву, прибавив, что говорить два дня подряд ему вредно, но он не отходил от телефона, просил Георгия Валентиновича непременно приехать, хотя бы только на четверть часа, за тем чтобы закрыть съезд». М. Скобелеву всё же удалось добиться своего. Вместо обещанных 15 минут Плеханову пришлось ждать выполнения своей роли до 8 часов вечера. Это испытание он выдержал мужественно, однако уже в

полночь проснулся с признаками удушья. «С рокового дня 3 апреля 1917 до 30 мая 1918 года... муж почти не переставал прихварывать»[61], — констатировала в своих воспоминаниях Розалия Марковна.

Из-за болезни вождя приуныли и его единомышленники. «Болезнь мужа подействовала, как катастрофа, на товарищей и тесный круг единомышленников, входивших в состав группы «Единство», — писала Р. Плеханова. — Эта группа не была ещё сформирована, она являлась только сырым материалом, ждала своего вождя, чтобы столковаться, сорганизоваться, а вождь оказался больным. Чувствовалось огорчение и некоторое смущение среди членов юной организации». Болезнь Георгия Валентиновича для успеха его дела была тогда более чем несвоевременной. «Надо было отбивать натиски на всех фронтах; завязался решительный жаркий бой, а единственным оружием у старого борца оставалось неизменное в его руках перо»[62], — писала об этом Розалия Марковна.

Но опускать руки по причине болезни Плеханов, конечно же, не собирался. Немного оправившись, он тут же взялся за работу, пытаясь внести посильный вклад в правильное, с его точки зрения, развитие революции. 17 апреля 1917 г. в № 16 «Единства» появилось открытое письмо Георгия Валентиновича «К армии», адресованное Комитету Электротехнического батальона в ответ на его приглашение присутствовать на концерте в Михайловском театре Петрограда. В письме Г. Плеханов, хорошо видевший постепенно набиравший ход процесс разложения российской армии и утраты силы её военного сопротивления, решительно высказался за укрепление в ней воинской дисциплины. Если бы революция подорвала дисциплину в армии, говорилось в документе, «это явилось бы величайшим несчастьем для всей страны. Армия без дисциплины — не армия, а дикая, деморализованная орда. Состояние такой орды совершенно недостойно революционного войска, сознательно исполняющего свой долг перед Родиной. Вы, граждане солдаты и офицеры, обязаны всеми силами поддерживать дисциплину...». Далее Плеханов предупреждал, что если бы Германия победила Россию, то «это крайне замедлило бы всё наше развитие и в корне подорвало бы нашу молодую свободу. А Германия несомненно победит нас, если наша армия придёт в расстройство вследствие подрыва дисциплины. Поэтому, — заканчивал он, — вашим лозунгом... должно быть поддержание дисциплины в армии с целью защиты нашей молодой свободы от покушений со стороны внутреннего врага и защиты всем нам дорогой Родины от врага внешнего»[63].

Нельзя в связи с этим не упомянуть о том, как относились плехановцы к известному «Приказу № 1» Петроградского Совета от 1 марта 1917 г., имеющему славу документа, спровоцировавшего начало процесса разложения армии России[64]. Этот приказ, писал Г. Алексинский, «разжёг ненависть солдат к офицерам, и пусть могилы тех офицеров, которые те-

перь одни, без солдат, бесстрашно идут навстречу врагу, будут служить укором легкомысленным авторам этого ужасного приказа»[65].

В № 18 «Единства» от 20 апреля 1917 г. было опубликовано открытое письмо «Наша тактика», адресованное Г. Плехановым руководимой им группе и прочитанное на устроенном ею первомайском митинге. В нём Георгий Валентинович указал на связь дальнейшего участия рабочих в обороне страны с их дальнейшей судьбой: «Если бы центральные империи победили нас…, они навязали бы нам условия, крайне неблагоприятные для роста наших производительных сил и тем… замедлили бы дальнейшее численное и культурное развитие нашего рабочего класса. А это, в свою очередь, сильно задержало бы его движение к конечной цели, то есть к социализму. Деятельно участвуя в нынешней войне, русский пролетариат не изменяет своему классовому интересу, а, напротив, защищает его с оружием в руках»[66].

П. Дневницкий по этому же вопросу писал, что победив в войне, «эксплуатируя экономически население покорённой страны, Германия стала бы держать Россию в том состоянии недоразвитости, которое помешало бы русскому рабочему классу скоро освободиться от его цепей»[67]. Конкретизируя последствия поражения, Г. Алексинский в одной из своих речей доказывал прямую заинтересованность как рабочих, так и крестьян в победе России в войне: «…даже такой простой вопрос, как вопрос о сохранении 8-часового дня, связан с общим исходом войны, — говорил он. — Если война будет нами проиграна, …то на почве ослабления русского промышленного развития усилится безработица, и рабочим не удастся удержать ни 8-часовой рабочий день, ни высокую зарплату, ни другие завоевания…»[68]

Неподдельная обеспокоенность за судьбы пролетариата в дальнейшем развитии революции в России чувствуется во многих статьях и речах Плеханова. В частности, в упоминавшемся уже письме «Наша тактика» в качестве «первого слова» тактики группы «Единство» Георгий Валентинович выделял напоминание русскому пролетариату о том, что ему необходимо прежде всего упрочить политическую свободу, которую он приобрёл в результате революции. «Для упрочения этой свободы, — утверждал Г. Плеханов, — он должен стать во главе всех тех классов и слоёв населения, интересы которых были бы нарушены восстановлением старого порядка». В своих политических выступлениях и заявлениях рабочий класс должен, в связи с произошедшей революцией, выдвигать на первый план не то, что его разъединяет с этими классами и слоями, подчёркивал Плеханов, а то, что объединяет его с ними. «Нам говорят, что поступая таким образом, он (пролетариат. — Э. К.) изменяет своему классовому интересу. Совершенно наоборот. Поступая таким образом, — писал Георгий Валентинович, — он создаёт политические учреждения, при которых ему легче и удобнее всего будет защищать именно этот интерес»[69].

Интересы пролетариата Плеханов старался защищать не только на страницах своих произведений, но и в реальной жизни. Речь идёт о его работе в апреле—мае 1917 г. председателем Комиссии по улучшению материального положения железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих, в результате которой железнодорожники с середины года стали получать доплаты к жалованью от 40 до 100 рублей. Да, особого облегчения железнодорожникам «плехановские прибавки» не принесли, но это было уже виной не председателя Комиссии, а Временного правительства[70].

Тем более беспочвенными и необоснованными выглядели на этом фоне искреннего беспокойства за судьбы пролетариата ленинские обвинения в адрес Г. Плеханова в том, что ещё со времён революции 1905—1907 гг. он всегда плёлся в хвосте у буржуазии, а в 1917 г. окончательно перешёл на сторону капиталистов, стал агентом, слугой, лакеем национальной буржуазии, подголоском буржуазной прессы[71]. Такая чудесная метаморфоза (если, конечно, поверить написанному Лениным) произошла с человеком, который, на самом деле, если и выступал в 1917—1918 гг. за сотрудничество российских рабочих и буржуа, то опять же исключительно в интересах пролетариата.

В статье «Логика ошибки», опубликованной в № 69 «Единства» 20 июня 1917 г., Г. Плеханов изложил свою знаменитую мысль о том, что «русская история ещё не смолола той муки, из которой будет со временем испечён пшеничный пирог социализма, и что пока она такой муки не смолола, участие буржуазии в государственном управлении необходимо в интересах самих трудящихся». Сделав такое заявление, Георгий Валентинович сразу же позаботился об ответе на возможные обвинения в свой адрес, что он таким образом советует социалистам петь хвалы буржуазии: «Это, разумеется, вздор, — заявил Плеханов. — Мы должны критиковать буржуазию, мы должны всеми силами отстаивать от её посягательств интересы рабочего класса. Но мы должны делать это разумно и целесообразно…»[72]

Россия находилась в том переходном периоде своей экономической истории, в течение которого пролетариат «может *не только без ущерба, но с выгодой для себя вступать в соглашения с буржуазией для совместной борьбы со всем тем, что задерживает развитие наших производительных сил*, — продолжал размышления на данную тему Георгий Валентинович уже в статье «Соглашение нужно и возможно» из № 91 «Единства» от 16 июля 1917 г. — А так как восстановление старого порядка страшно задержало бы это развитие, то пролетариат показал бы себя до последней степени близоруким, если бы не пожелал входить в соглашения с буржуазией ради торжества революции»[73].

Наконец, это невероятное превращение якобы в изменника рабочему классу приписывалось человеку, который, не признав большевистский переворот 1917 г. полезным для дела российского пролетариата, тем не

менее наотрез отказался от предложения эсера Бориса Савинкова возглавить антисоветское правительство, заявив при этом: «Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату, и не я буду его расстреливать тогда, когда он идёт по ложному пути»[74]. Учитывая это, приходится признать правоту Георгия Валентиновича, сказавшего в лекции в театре на Большой Никитской улице в Москве в августе 1917 г., что «я, Плеханов, никогда интересам пролетариата не изменял. Люди, утверждающие это, принадлежат к той категории, которую один наш русский писатель назвал от рождения "недоношенными"»[75].

Всячески заботился Г. Плеханов о том, чтобы общество не скатилось в 1917 г. к гражданской войне. Откликнувшись на события апрельского кризиса, вызванного отправкой союзным державам ноты Милюкова, Георгий Валентинович в передовице № 19 «Единства» «О правительственном кризисе 20—21 апреля» написал, что страна вплотную подошла к гражданской войне, которая, без сомнения, «дезорганизовала бы и тыл, и фронт и явилась бы страшной угрозой для успехов великой русской революции». Когда же кризис, во время которого произошли вооружённые столкновения и имелись жертвы, был урегулирован, Плеханов в статье «В добрый час» призвал власть принять к организаторам беспорядков «энергичные меры, способные положить конец безумным подвигам таких лиц»[76].

22 апреля в № 20 «Единства» появилось воззвание, обращённое к населению страны и подписанное триумвиратом старых революционеров-марксистов — Г. Плехановым, В. Засулич и Л. Дейчем. Содержание этого воззвания свидетельствовало, как сильно грешили против истины Ленин, Мартов, Суханов, а также разделявшие их необъективные оценки отечественные историки[77], когда называли Плеханова социал-империалистом, сторонником империализма, защитником своего империалистического правительства или орудием в руках англо-французского империализма. Воззвание гласило: «Нам не надо завоеваний, но мы не должны дать немцам подчинить себе Россию»[78]. «...мы понимаем свободу так: мы не хотим захватывать чужого, но со своей земли постараемся согнать Вильгельма...»[79], — вторил содержанию воззвания В. Катин-Ярцев в своей популярной брошюре, излагавшей взгляды группы «Единство» на войну в доступной для простого народа форме.

Не проникся империалистическими вожделениями Г. Плеханов и впоследствии. В речи «Социал-демократия и война», произнесённой 9 июня 1917 г. на I Всероссийском съезде Советов, он заявил: «Если мы, сбросив со своих плеч иго неприятеля, увидим, что кто-либо из наших задаётся империалистическими целями, мы скажем: "Довольно! Наступила пора для заключения мира..."»[80] В другой своей речи, с которой Георгий Валентинович выступил 19 июня на Казанской площади Петрограда, он сказал, что шедшая война «для нас не империалистическая, мы не хотим завоеваний, мы не хотим чужого, но за своё мы должны постоять». И, наконец, в статье «Тревожные опасения одной умной газеты» из № 78 «Единства» от 1 июля Плеханов расставил в данном вопросе последние акценты: «Мы не империалисты, — подчёркивал он. — Мы самые решительные противники империализма. ...Мы желаем не того, чтобы Россия разгромила Германию, а того, чтобы Германия не разгромила Россию»[81].

В воззвании от 22 апреля содержалось ещё одно положение, соблюдение которого Г. Плеханов и его единомышленники считали в указанный период крайне важным: «Россия не может изменить своим союзникам, — говорилось в документе. — Это покрыло бы её позором и навлекло бы на неё справедливый гнев и презрение всей демократической Европы»[82]. Г. Алексинский идею измены союзникам также считал «презренной»[83], а Плеханов полагал, что разрыв с ними «был бы самоубийством русской революции»[84]. Почему?

Развила мысль о последствиях измены союзническому долгу В. Засулич, посвятившая данному вопросу специальную брошюру. Союзники России, полагала она, «и без нас не покорятся германцам, каких бы жертв это им не стоило. ...У нас другое дело. Если наши союзники... порвут, с своей стороны, тот союз, который мы уже теперь фактически нарушаем, то нас-то без их помощи германцы быстро принудят к покорности...» Засулич называла «ужасным» и «вероломным» то бездействие нашей армии на фронте, которое имело место после победы в России революции и которое позволяло Германии переводить освобождавшиеся таким образом части с восточного фронта на западный. «Мы молча... заключили на нашем фронте не то мир, не то бессрочное перемирие, — с осуждением писала она, — и, успокоив германцев, отпустили их отдохнувшие на нашем фронте войска во Францию против утомлённых, измученных... боями союзных армий». Вывод Веры Ивановны был таков: «Мы должны остаться верными нашим союзникам, должны вернуть на наш фронт ушедшие против них войска — в этом наш долг и в этом наше же спасение». Невыполнение этих условий она считала «предательством», достойным «презрения»[85].

Презренная идея измены России союзникам напрямую связывалась Плехановым с не менее презренной идеей заключения ею сепаратного мира с Германией. «Прежде всего, должны быть решительно и бесповоротно отвергнуты всякие толки о сепаратном мире России с центральными державами, — писал Г. Плеханов 22 апреля 1917 г. в № 20 «Единства». — Такой мир был бы не только позором для России. Он причинил бы ей огромный, может быть, непоправимый вред»[86]. Само допущение возможности со стороны кого-либо обращения к нашей стране с предложением о заключении сепаратного мира он считал «тяжкой обидой» для России[87]. И, наконец, услышав разговоры о готовности революционной демократии к заключению такого мира, Георгий Валентинович 15 августа

в речи на Государственном совещании в Москве заявил: «Если отдельные безумные люди из среды революционной демократии и позволили себе такого рода преступные речи, то наша крайняя революционная демократия, в своём целом, никогда на сепаратный мир не пойдёт, ...никогда не сделает такой низости. ...Мы не пойдём на сепаратный мир, мы не хотим изменить нашим союзникам, которые находятся во главе цивилизации»[88].

Будучи настоящими, искренними патриотами своей Родины, Г. Плеханов и его единомышленники всегда резко негативно (что видно, в том числе, и из вышеприведённых высказываний) реагировали на всё то, что могло подорвать национальный престиж России. К числу абсолютно неприемлемых для них явлений, безусловно, относились и братания наших солдат с немцами на российско-германском фронте, которые, среди прочего, могли, по мнению плехановцев, привести к заключению столь ненавистного им сепаратного мира. «Если бы вся русская армия побраталась со всеми австро-германскими войсками, обращёнными против русского фронта, то это было бы равносильно заключению сепаратного мира России с Австрией и Германией, — писал Плеханов в апреле 1917 г. — ...идея братания должна быть отвергнута, как несостоятельная по своему содержанию и крайне вредная по своим фактическим последствиям»[89]. Развивая мысль своего вождя, один из лидеров группы «Единство» Валериан Чернышёв писал, что если немцы и будут брататься с нашими солдатами, то только затем, чтобы оттянуть свои войска против союзников России. «Братаясь с немцами, — подчёркивал он, — мы изменяем нашим союзникам французам и англичанам и предаём свою свободу, ибо близок удар германских полчищ и против нас»[90].

Описывая данное явление, «выгодное только для немцев» и «практикуемое только русскими солдатами», в речи на Съезде делегатов фронта, опубликованной в № 30 «Единства» от 4 мая 1917 г., Г. Плеханов говорил: «...что представляет собой это братание? К русскому карасю является немецкая щука и, под предлогом братания, выведывает военные тайны, разглядывает ваши позиции, чтобы облегчить себе их захват»[91].

В. Ленин, реагируя на критику Плехановым своего лозунга братаний, называл его «одним из слуг капитала», «бывшим социалистом», писал, что братание «ведёт не к "сепаратному" миру между капиталистами нескольких стран, а к всеобщему миру между революционными рабочими всех стран *вопреки* капиталистам всех стран *против* капиталистов, для свержения их ига»[92]. Однако история расставила всё по своим местам. К заключению всеобщего мира между революционными рабочими вопреки капиталистам братания, как известно, не привели. А вот многочисленные факты, замалчивавшиеся прежде в отечественной исторической литературе и свидетельствующие об использовании державами Четверного союза братаний в разведывательных целях, имеются.

Историк Михаил Френкин, например, в работе «Русская армия и революция. 1917—1918» сообщает, что один из участников братаний, российский унтер-офицер 751-го пехотного полка, в начале мая 1917 г. передал противнику схему расположения огневых позиций артиллерии своей дивизии, и вражеское командование высоко оценило эту услугу. А накануне июньского наступления противник на фронте 79-й пехотной дивизии от подогретых спиртным в процессе «дружеских» бесед русских «братальщиков» получил весьма подробную информацию о дислокации частей, состоянии тыла и железнодорожного транспорта, продовольственном положении и по другим вопросам. Только за май 1917 г. разведотделы 3-й и 7-й австро-венгерских армий осуществили 285 разведывательных контактов с русскими «братальщиками»[93].

Рапортуя 11 ноября 1917 г. главнокомандующему армиями Румынского фронта генералу Щербачёву о настроении войск, командующий 8-й армией генерал Юнаков так описывал результаты нескольких визитов «немецкой щуки» к «русскому карасю»: «В 13-м и 16-м полках 4-й Заамурской дивизии происходит братание с противником, результатом которого явил[ись] обстрел наших батарей с довольно точной пристрелкой и два случая обнаружения у наших проволочных заграждений приспособлений для подслушивания разговоров по телефону». В донесении начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала Стогова в Ставку Верховного главнокомандующего о настроениях в армиях фронта от 18 ноября говорилось, среди прочего, о случае, когда в 296-м полку 7-й армии «4 немца явились в наши окопы с целью мирных переговоров... Немцы давали нашим наставления, каким путём нужно вести переговоры, и в то же время расспрашивали [о] местонахождении и расположении наших частей». А в сводке донесений штаба Верховного главнокомандующего о настроениях в армии за период с 15 по 30 ноября 1917 г. приводился пример, когда, «пользуясь легкомысленным доверием наших солдат, австрийские офицеры 21 ноября ходили по своему берегу р. Сбруча с планшетами и фотографическими аппаратами и снимали наши окопы»[94]. Приведение таких примеров можно продолжать.

Генерал Деникин в «Очерках русской смуты» также сообщал, что после февраля 1917 г. германский Генштаб дело братаний поставил «широко, организованно и по всему фронту, с участием высших штабов и командного состава, с подробно разработанной инструкцией, в которой предусматривались: разведка наших сил и позиций; демонстрирование внушительного оборудования и силы своих позиций; убеждение в бесцельности войны; натравливание русских солдат против правительства и командного состава, в интересах которого якобы исключительно продолжается эта "кровавая бойня". Груды пораженческой литературы, заготовленной в Германии, передавались в наши окопы»[95].

Для достижения своих целей немецкое командование специально для солдат российской армии издавало на русском языке газеты «Русский вестник», «Товарищ», «Неделя», «Новости» и др. Распространением этих изданий среди противника занимались специально созданные в германских и австро-венгерских армиях «пропагандные» отделы. В 1917 г. эти издания активно передавались нашим солдатам в процессе братаний. О том, какое значение придавалось этой работе по разложению российской армии, можно судить по следующему фрагменту из приказа командующего германской 30-й дивизии от 6 декабря 1917 г.: «Смена дивизии даёт мне повод вспомнить о больших услугах, оказанных начальниками пропагандных отделов. Почти целый месяц, многие ещё дольше, работали в этом деле и своей неустрашимостью и ловкостью оказали отечеству неоценимую услугу. Находясь постоянно на открытом поле против неприятельского огня и коварства, они всё время с железной энергией и последовательностью пытались сближаться с русскими. Успех явился. Они… ловко использовали работу русской революции, вносили в русские войска нашу пропаганду. Что этим наши пропагандные отделы совершили, в настоящее время понять ещё нельзя. Бесспорно, им принадлежит львиная доля в разложении русской дисциплины»[96]. Думается, что приведённые факты и высказывания с достаточной убедительностью свидетельствуют об оправданности резко отрицательной позиции, занятой плехановцами в отношении братаний.

Отвергая возможность заключения сепаратного мира, Плеханов и его единомышленники также резко критиковали действия и лозунги российских социалистов, призывавших к **немедленному** прекращению войны и заключению мира без аннексий и контрибуций. Реализация такого требования, утверждал Георгий Валентинович, не может устранить причины, способные привести к новой, ещё более разрушительной войне. «Немедленное заключение мира было бы величайшей услугой тому милитаризму и тому империализму, с которыми хотели бы бороться люди, так безрассудно кричащие: "долой войну!", — писал он в статье «Всемирный праздник наёмного труда» из № 14 «Единства» от 15 апреля 1917 г. — Мир, заключённый при нынешнем соотношении сил на театре военных действий, был бы не миром, а лишь перемирием, в высшей степени опасным для стран, подвергшихся в 1914 г. нападению со стороны Германии. Он дал бы немецкому милитаризму возможность оживить и заново организовать нужные силы для новой попытки осуществления завоевательных планов. А это значит, — резюмировал Г. Плеханов, — что по своим практическим последствиям клич "долой войну" был бы совершенно равносилен кличу "да здравствует германский милитаризм"…»[97] На ту же опасность разжигания в будущем новой войны в случае опрометчивого подписания немедленного мира указывал и Г. Алексинский, называвший сторонников такого мира «пацифистами-германофилами» и

людьми, которые «хотят окончить войну половинчатым миром и оставить людей перед угрозой новой войны»[98].

Не принимая формулы мира «без аннексий и контрибуций», заключавшей в себе «неясности, делающие необходимыми новые и довольно длинные размышления», Г. Плеханов и его соратники предлагали в качестве альтернативы ей формулу «мира, в основу которого ляжет принцип свободного самоопределения народов». Этот принцип, полагал Георгий Валентинович, «представляет собою тот светоч, которым направляется и должна направляться международная политика сознательных пролетариев всех стран»[99]. Только заключение мира по такой формуле, считал он, может обеспечить его постоянный характер и прочность. «Для того, чтобы закончить нынешнюю войну прочным миром, — писал Плеханов в статье «Всемирный праздник наёмного труда», — необходимо помириться на таких условиях, которые позволили бы народам располагать своей судьбой по своему собственному усмотрению»[100].

Под теми условиями, которые могли бы привести к заключению постоянного справедливого мира, прежде всего, понималось освобождение противником захваченных и удерживаемых им российских территорий. Прекрасно понимая, что добровольно Германия этого не сделает, Г. Плеханов и его единомышленники призывали к энергичной борьбе с нею. Необходимо «призывать не к миру преждевременному и постыдному, — говорил по этому поводу Г. Алексинский, — а к продолжению революционной войны, к тому, чтобы русские революционеры… сделали своим лозунгом не заключать мира с врагом, находящимся на территории родной страны»[101]. Призывы к немедленному прекращению войны Григорий Алексеевич совершенно справедливо оценивал как «пустые формулы» и «никчёмные слова». «"Война есть зло!", "Да здравствует братство народов и Интернационал", — кричат эти люди и совершенно не задумываются над тем, что если война есть зло, то для каждого из нас обязательна борьба с тем конкретным воплощением этого зла, каким сейчас является германский империализм; и что именно тот, кто признаёт братство народов, обязан особенно энергично бороться с нарушителями этого братства, с завоевателями и угнетателями, какими сейчас являются немецкие империалисты…»[102], — писал Алексинский.

Критике со стороны Плеханова и его сподвижников всегда подвергалось также утверждение, что империализм грозит России, Европе и всему миру одинаково с обеих воевавших сторон. Характеризуя противников по мировому конфликту, Георгий Валентинович, в частности, писал в апреле 1917 г.: «С одной стороны стоят европейские демократии, эти учительницы цивилизованного мира в плодотворном деле политического прогресса. Бок о бок с ними борется революционная Россия, только что разбившая вдребезги свой старый порядок. А через широкий океан им протягивает сильную руку помощи великая северо-американская демо-

кратическая республика, некогда возвестившая провозглашением своей независимости начало новой освободительной эры в истории человечества. А против них выступают центральные монархии, служащие теперь оплотом полуабсолютизма и имеющие своей союзницей Турцию, эту истинную представительницу социального застоя и политического варварства. Как же можно сомневаться хоть на минуту? Как можно не желать решительного поражения Австро-Германии?»[103], — недоумевал Г. Плеханов.

Учитывая такой, по выражению П. Дневницкого, «захватный характер германского империализма»[104], результатом той революционной войны, к ведению которой призывали Плеханов и его соратники, они видели решительную победу союзников над державами Четверного союза. «Война должна длиться до победы над немцами»[105], — записал Л. Дейч 16 марта 1917 г. А Г. Плеханов, размышляя в апреле того же года над возможным исходом мировой войны, подчёркивал, что «теперь мы должны заботиться не о том, чтобы щадить неприятеля, а о том, чтобы спасти от его покушений русскую землю, а с ней молодую русскую свободу. Другими словами…, мы должны всемерно стремиться к решительной победе над неприятелем…»[106]

Эти призывы Плеханова и его единомышленников к достижению военной победы над противником, среди прочего, давали повод многочисленным критикам обвинять их в приверженности шовинизму и предательстве интернационализма[107]. Эти обвинения неизменно связывались с тем, что Г. Плеханов со своими соратниками якобы изменили в исследуемый период и социализму вообще, и марксизму в частности, покинули ряды социал-демократии[108]. Нельзя не привести здесь и наиболее характерные высказывания на этот счёт. «Интернационализмом не клянётся в наши дни только ленивый, даже шовинисты-оборонцы, даже гг. Плеханов и Потресов, даже Керенский называет себя интернационалистом, — писал В. Ленин в апреле 1917 г. — Тем насущнее обязанность пролетарской партии противопоставить со всей ясностью… интернационализм на деле интернационализму на словах»[109]. «…Плеханов и прочие социал-шовинисты во всём мире предали социализм»[110], — говорил он на Петроградской общегородской конференции РСДРП (б). «Все речи и статьи его в «Единстве», — писали авторы биографии Плеханова из серии «Жизнь замечательных людей», — были предательством не только по отношению к марксистским идеям, но и отступничеством от прежней революционной деятельности»[111].

На наш взгляд, все эти обвинения были абсолютно беспочвенными и совершенно лишёнными оснований. В статьях и речах Плеханова, а также его единомышленников, относящихся к 1917—1918 гг., нами не было обнаружено каких-либо свидетельств их приверженности шовинизму и предательства интернационализма. Все призывы к решительным действиям на фронтах войны обязательно снабжались ими необходимыми оговорками о том, что эти действия имеют целью только лишь освобождение захваченных неприятелем российских территорий, а также обеспечение в будущем послевоенном устройстве мира всем народам, в том числе населявшим Российскую империю, прав свободного развития. Если при этом говорилось о необходимости победы над исповедовавшим захватнические устремления противником, то только для обеспечения установления возможно более прочного мира на справедливых условиях и исключения возможности со стороны держав Четверного союза вновь посягнуть на независимость их соседей[112].

Например, в статье «Война и мир», публиковавшейся в «Единстве» в течение второй половины апреля 1917 г., Г. Плеханов писал: «Излишне повторять то, что не один раз сказано было мною прежде: мы изменили бы своему собственному идеалу, если бы захотели приготовить Германии ту участь, которую она так методически готовила России и её возможным союзникам. Мы не хотим разрушать единства немецкого народа, мы не хотим налагать на него иго экономической эксплуатации. Мы хотим одного: добиться возможности такого мира, в основу которого ляжет непререкаемое право народов располагать своею судьбой по своему собственному усмотрению. Нужно быть неисправимым утопистом, чтобы воображать, будто подобная возможность будет обеспечена иначе, как путём энергичного военного усилия, увенчанного решительной победой над реакционными силами Германии, Австрии и Турции»[113].

Патриотически-оборонческая позиция Плеханова и его сподвижников в исследуемый период, впрочем, как и раньше, нисколько не противоречила и принципам революционного пролетарского интернационализма. С сожалением хотелось бы заметить, что в современной отечественной и зарубежной историографии, уже почти свободной от обвинений лидера и членов группы «Единство» в шовинизме и тому подобных непривлекательных «измах», всё же сохраняется противопоставление друг другу разноуровневых понятий оборончества и интернационализма[114]. «Февральская революция, — пишет, например, российский историк А. Шемякин, — внесла серьёзные коррективы в отношение представителей обоих направлений меньшевизма к войне. Причём, если в принципиальном плане деление партии на оборонческое и интернационалистское крылья в целом сохранялось, то палитра оттенков внутри каждого из них стала заметно богаче». В частности, «открыто оборонческая группа Г. В. Плеханова» противопоставляется здесь далее меньшевикам-интернационалистам во главе с Мартовым[115].

В связи с этим нельзя не обратить внимание на то, что стратегические цели и задачи у плехановцев в 1914—1918 гг. были, безусловно, интернационалистскими — они продолжали являться сторонниками международной солидарности пролетариата в его борьбе с эксплуататорскими классами своих государств за торжество, в конечном итоге, идеалов со-

циализма во всём мире. Тактика же продвижения к заветной цели у Г. Плеханова и его соратников была отличной от тактики других социалистов-интернационалистов, в частности, сторонников немедленного заключения мира без аннексий и контрибуций. Главным словом этой тактики было убеждение в том, что кратчайший путь к достижению социалистического идеала в период мировой войны лежит через оборону России и содействие победе Антанты над реакционной Германией.

Если «интернационализм есть признание равенства всех народов и их права на свободное развитие, — писал Г. Алексинский, — то именно интернационализм и требует вооружённой борьбы с захватчиками чужой территории, угнетателями чужого народа»[116]. Разделяя точку зрения одного из лидеров группы «Единство» по этому вопросу, хотелось бы подчеркнуть, что отлучение Г. Плеханова и его сподвижников от интернационализма по их «военной» позиции в 1914—1918 гг., по нашему мнению, теоретически неверно, искажает историческую действительность и нуждается поэтому в устранении из научного оборота.

Ещё в 1910 г. один из лидеров ФСП Жан Жорес писал в «Новой армии», что «интернационализм поверхностный отдаляет от родины, интернационализм глубокий — приводит к ней; патриотизм поверхностный отдаляет от Интернационала, патриотизм глубокий — приводит к нему». Он не видел противоречия «в том, чтобы пролетарии, социалисты и интернационалисты, активно участвовали в организации народной национальной обороны»[117]. И, безусловно, права была Р. Плеханова, когда писала на ту же тему, что любовь к Родине «отнюдь не исключает ни любви к человечеству, ни преданности интересам трудящихся масс, то есть Интернационалу. Плеханов был интернационалистом в самом благородном смысле этого слова… Плеханов-"патриот" защищал интересы Интернационала своей позицией в мировой войне так же стойко, так же храбро, как прежде в эпоху дружной работы народов всего мира во Втором Интернационале»[118]. Таким образом, по своему отношению к Первой мировой войне Г. Плеханов и его единомышленники занимали интернационалистско-оборонческую (интернационалистско-патриотическую) позицию, являвшуюся противовесом интернационалистско-пацифистской платформе социалистов-сторонников немедленного заключения мира.

4. Неоднозначность отношения к политике Временного правительства в военных вопросах

Большое внимание в публицистике Плеханова и его единомышленников уделялось в 1917 г. оценкам и критике политической деятельности и отношения к Первой мировой войне Временного правительства. Надо

сказать, что судьба оказалась к Георгию Валентиновичу благосклонной — от хождения во власть в качестве министра труда или торговли и промышленности Временного правительства она его несколько раз уберегла[119]. Благосклонной потому, что традиционно власть в России крайне редко являлась, особенно в XX веке, выразителем народных чаяний. Значительно чаще она носила антинародный характер. Представить же Плеханова, принимающего в министерском кресле те или иные непопулярные меры (без которых трудно было бы обойтись в ту эпоху военной разрухи и революционных катаклизмов) в отношении народа, достижению блага которого он отдал всю свою сознательную жизнь, крайне затруднительно.

Причины того, что основатель российской социал-демократии оказался за бортом различных властных структур революционной России, где представители этой социал-демократии играли не последнюю роль, были разные. В их числе стоит упомянуть и нежелание тогдашнего руководства Петроградского Совета и меньшевистской партии видеть в правительстве в качестве своего представителя человека, резко критиковавшего их половинчатую и неопределённую позицию в отношении мировой войны (о чём речь ещё пойдёт ниже). В заявлении Бюро ЦК Всероссийской социал-демократической организации «Единство», опубликованном в «Бюллетене № 1» от 6 августа 1917 г., говорилось по этому поводу: «Циммервальдисты, руководящие в Советах, …предпочитают в министерстве 10 "буржуев" одному Плеханову»[120].

Но, думается, что главным всё же было не слишком большое стремление самого Георгия Валентиновича подвергнуть себя такому испытанию. Ещё 22 марта 1917 г. он написал А. Любимову следующее: «Я получил известие, что временное правительство хочет предложить *мне Министерство труда*. Я убеждён, что мне *не следует* принимать это предложение: оно ослабит моё влияние на рабочий класс»[121]. Во-первых, Плеханов с его аналитическим умом и огромной эрудицией не мог не понимать, что принятие портфеля министра труда или торговли и промышленности в разорённой войной стране с разрушенной промышленностью[122] означало бы ни что иное, как политическое самоубийство и окончательную потерю остатков своего влияния в пролетарской среде.

И, во-вторых, нельзя не учитывать факт, что обладавший более чем независимым характером основатель российской социал-демократии, в течение десятилетий находившийся на руководящих ролях в народнических и марксистских организациях, не был создан для подчинения кому бы то ни было. В 1917 г. 60-летнему Плеханову поздно уже было привыкать к исполнению где бы то ни было, пусть даже и в правительстве государства, второстепенных ролей, подчиняясь при этом людям, которые во всех отношениях (по возрасту, стажу революционной борьбы, теоретическому багажу и т. д.) значительно ему уступали.

Л. Дейч, писавший, что после возвращения на Родину Георгий Валентинович, «не исключая главы Временного правительства, являлся наиболее всех популярным человеком в России, не только среди пролетариата, но также и всех сколько-нибудь демократически настроенных слоёв населения всей страны», а также что «разнообразные слои страны готовы были передать в его руки власть над страной, в глубокой уверенности, что лишь он один сумеет направить разбушевавшуюся стихию в надлежащее русло»[123], конечно же, значительно приукрашивал действительное положение дел. Но в одном Лев Григорьевич был прав — если Плеханов и был достоин чести вхождения в 1917 г. в правительство революционной России, то только в качестве его главы.

Этого, как известно, не произошло, но тем не менее Г. Плеханов и его соратники почти на всём протяжении существования Временного правительства находились в числе его преданных сторонников. «Мы все должны, — писал Георгий Валентинович в № 16 «Единства» 17 апреля 1917 г., — ...дружно сплотиться вокруг нашего Временного Правительства, программа которого широко и ярко выражает ближайшие и самые насущные интересы всей демократической России»[124]. Плеханов являлся также одним из наиболее последовательных сторонников образования весной 1917 г. сильного, способного предотвратить всякую возможность анархии, облечённого полным доверием народа, коалиционного правительства революционной демократии со всеми живыми силами страны, под которыми он понимал те общественные классы и слои, которые не стремились к восстановлению в России монархии[125].

Рассуждая в уже упоминавшейся статье «Отечество в опасности» о мерах, способных остановить гибельный процесс утраты страной силы её военного сопротивления внешнему врагу, одной из главных таких мер Г. Плеханов называл повышение авторитета представителей высшего командного состава армии путём передачи им из рук Петроградского Совета всей военной власти. Лучшим средством для этого было бы, по его мнению, «составление коалиционного министерства, в которое вошли бы представители трудящейся массы». Однако в момент написания Георгием Валентиновичем указанной статьи для этого существовало серьёзное препятствие — решение Исполкома Петроградского Совета от 28 апреля о нецелесообразности составления коалиционного правительства. «Пока останется в силе это решение, — писал Плеханов, — будет продолжаться сказка о белом бычке, и наша военная мощь будет равняться нулю к величайшей радости подданных Вильгельма II и наших собственных пораженцев»[126].

К большому удовольствию руководителя группы «Единство», уже 1 мая Исполком Петросовета изменил своё решение трёхдневной давности на противоположное, а 5 мая в результате этого было образовано первое коалиционное правительство. В статье «Декларация нового правительства» Плеханов воскликнул по этому поводу «свершилось!» и, разобрав по пунктам декларацию новой исполнительной власти от 6 мая, в целом, за исключением некоторых несущественных замечаний, её одобрил[127]. Это было вполне естественной реакцией настоящего патриота-оборонца, ведь в указанном документе, среди прочего, нашлось место таким словам: «Укрепление начал демократической армии, организация и укрепление боевой силы её как в оборонительных, так и в наступательных действиях будут являться главнейшей задачей Временного правительства»[128].

Особое одобрение Г. Плеханова вызывала тогда деятельность новоиспечённого военного и морского министра. Имея, очевидно, в виду жёсткие приказы А. Керенского по армии и флоту от 6 и 11 мая, направленные против дезертиров и на расширение прав военачальников[129], Георгий Валентинович в № 45 «Единства» 21 мая написал: «*Мы решительно и горячо одобряем* его за деятельность, развитую им по части организации армии»[130]. Одобрение «единцами» отношения Керенского и его единомышленников к войне нашло также отражение в резолюции «О социалистах-революционерах» Совещания делегатов организации «Единство», состоявшегося 20—24 июля 1917 г. Течение в партии эсеров, «представляемое товарищами Керенским и Брешко-Брешковской и оборонческой литературной группой "Воля Народа", — говорилось в документе, — в общем и целом занимает в вопросе о войне совершенно правильную позицию» и поэтому совместная работа с этим течением «на почве национальной обороны вполне возможна и желательна...»[131].

Особые энтузиазм и поддержку у «единцев» вызвало упоминание в декларации 6 мая о необходимости ведения российской армией наступательных действий, а также колоссальные практические усилия Керенского в мае—июне по их организации. О том, что наступление является необходимым условием ведения оборонительной войны, Плеханов писал ещё в апреле 1917 г.[132] Но более решительно и определённо на необходимость наступательных действий он указал именно после появления на свет декларации первого коалиционного правительства. «Война, — *с переходом в наступление*, — необходима теперь *именно* прежде всего в *интересах мира*»[133], — говорилось в статье «Декларация нового правительства».

Начавшееся 18 июня наступление наших армий на Юго-Западном и Западном фронтах вызвало неописуемый восторг у Плеханова и его сторонников. Лишь только 19 июня известие об этом событии распространилось по Петрограду, на Невском проспекте образовалась большая патриотическая манифестация (Н. Суханов писал, что она была окружена «сотней—двумя разных господ»[134]), направившаяся сначала к редакции «Единства», где её приветствовали Дейч и Антонов, а затем вышедшая на Казанскую площадь, где перед нею с речью выступил уже сам Плеханов.

«Граждане! — говорил он. — Если я вас спрошу, какой сегодня день, вы скажете, что понедельник. Но это ошибка: сегодня воскресенье… для нашей страны и для демократий всего мира. Россия, сбросившая иго царизма, решила сбросить иго неприятеля. Было бы несмываемым позором для революционной русской армии, если бы она не нашла в себе силы и мужества отбросить врага»[135]. 21 июня от имени ЦК группы «Единство» к наступлению российской армии призывал на митинге в Москве Г. Алексинский. Получив первые известия о наступлении, он отреагировал на них следующим образом: «Это первое и наиболее ценное проявление народной воли к спасению России. В успешном наступлении войск революционной России на войска реакционной Германии — залог этого спасения»[136].

Поначалу наступление развивалось довольно успешно — вражеский фронт был прорван, захватывались пленные и трофеи, на различных участках наши войска продвигались в течение двух недель, к концу июня был взят Галич и, таким образом, открыты пути ко Львову. Надо ли говорить о том, с какой искренней радостью Г. Плеханов писал 27 июня в № 75 «Единства», что «наступление совершилось с весьма значительным успехом…»[137] Однако продлиться этой радости суждено было недолго. Закончилось наступление полным провалом, на который, к сожалению, было изначально обречено.

Современный военный историк Г. Ипполитов пишет по этому поводу, что наши войска «не могли не проиграть летнего наступления, ибо представляли из себя в тот момент не войсковые части и соединения, а толпу людей при оружии, в которую их превратили исторические реалии года 1917-го, года революционного»[138]. Являясь фактически откровенной военно-политической авантюрой Временного правительства, предпринятой под давлением союзников по Антанте с целью извлечения больше внутри–, нежели внешнеполитических дивидендов, оно не было надлежащим образом подготовлено ни технически, ни морально.

Вспоминая о громадном впечатлении, которое произвели на него многочисленные «технические недочёты» позиций, подготовленных для наступления наших войск, один из его участников В. Станкевич писал, что «наступление было организовано ниже всякой критики». Что уж там говорить о моральном состоянии, «духе войск», предназначенных для наступательных действий? Например, в один из первых же дней наступления лучший в 11-й армии Юго-Западного фронта 1-й гвардейский корпус, получив приказ двинуться к позиции, отказался подчиниться ему и остался на своём месте[139]. 26 июня во время посещения 703-го Сурамского пехотного полка 10-й армии Западного фронта члены Исполкома Петросовета Вербо, Розенберг и Ястребов были избиты солдатами за призыв к наступлению[140]. Приведение примеров такого рода можно ещё долго продолжать.

Российский генерал, а затем историк Первой мировой войны Н. Головин в своей диссертации на звание экстраординарного профессора Императорской Николаевской военной академии «Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца» высказал в 1907 г. мысль о том, какое огромное значение имеет «стремление бойца к победе, его сочувствие политической, религиозной или экономической идее войны… все решительные и победоносные войны, — подчёркивал он, — имели в основе идею, которая близка была сердцу бойца»[141]. Все перечисленные качества у российского солдата в 1917 г. давно отсутствовали. Главная причина поражения российской армии в ходе июньского наступления 1917 г., считает Г. Ипполитов, «кроется в морально-психологическом состоянии личного состава войск: *разложенная армия не хотела воевать за чуждые ей интересы*»[142].

Было совершенно ясно, что армия, из которой, по подсчётам Головина в его работе «Военные усилия России в Мировой войне» (Париж, 1939), после Февральской революции ежемесячно дезертировало около 31-й тысячи человек[143], стремилась к чему угодно, только не к победе над внешним врагом в результате преданности каким-либо идеям этой войны. В одной из своих бесед с Б. Савинковым В. Станкевич сказал, что ему в ходе июньского наступления «стало ясно, что масса солдат, а может быть, и офицерства не понимает смысла войны или, во всяком случае, наступления»[144]. При таком положении дел наивно было бы ждать успеха от задуманных операций. И с сожалением приходится признать правоту Н. Суханова, писавшего о ясности для многих трезво смотревших на положение нашей армии весной—летом 1917 г. людей, что она «при данном объективном положении, при её субъективном настроении не могла быть орудием победы против тогдашней Германии»[145].

Гневу и глубокому разочарованию Плеханова в провале июньского наступления не было пределов. «То, чего мы боялись, то, что мы предсказывали… совершилось, — писал он в № 86 «Единства» 11 июля. — Армия, развращённая неустанной пропагандой диких понятий о войне и о дисциплине, оказалась… в некоторых своих частях утратившей свою боеспособность. Солдаты бросают ружья и бегут, порою даже раньше, чем на них нападает неприятель. …Россия, так недавно освободившаяся от царского гнёта, подвергается страшной опасности утратить свою свободу. Торжество Вильгельма II было бы равносильно гибели русской революции. Оно принесло бы нам более или менее… полное восстановление старого порядка». Выход из создавшегося положения Георгий Валентинович усматривал в прекращении всех внутренних раздоров, кроме раздора с В. Лениным, антивоенная деятельность которого, по убеждению Г. Плеханова, привела к неудаче наступления 18 июня, ради отражения «вражеского нападения» путём создания «правительства народной самообороны». «Пора положить конец существованию министерств без министров и

министров без министерств! — восклицал он. — Пора составить правительство коалиционное по своей природе, а не только по имени. Горе тем, которые так или иначе помешают его возникновению. Страна никогда не простит им их ошибки, чем бы ни были они вызваны: злой волей, малодушием, предательством или… беспросветным доктринёрством»[146].

К сказанному осталось добавить, что случившееся на Западном и Юго-Западном фронтах, помимо прочего, значительно понизило авторитет оборонческого течения в среде российских социалистов, представители которого несли свою долю ответственности за фиаско активно пропагандировавшегося ими наступления. Естественно, в самом ближайшем будущем этим не упустили возможность воспользоваться политические противники интернационалистов-оборонцев.

Содержание цитированной выше статьи «Совершилось» от 11 июля 1917 г. указывало на то, что к концу своего существования первое коалиционное правительство уже не во всём устраивало Плеханова. Ещё в опубликованной 18 июня в № 68 «Единства» статье «Революционная демократия должна поддержать своё Правительство» он указывал, что ни Временное правительство вообще, ни министр труда Скобелев, в частности, воплощением разума ему не представляются. «Я знаю, — писал далее Георгий Валентинович, — что наши правители сделали немало ошибок и во внутренней, и… во внешней политике. Их стремление заставить наших союзников перейти на точку зрения Циммервальдской секты заслуживает строгого порицания». Но к каким-либо радикальным решениям в связи с этим Плеханов не призывал. Для того, чтобы «спасти свободу, чтобы упрочить дело революции, чтобы справиться с анархией, с одной стороны, и контрреволюцией — с другой, — полагал он, — революционная демократия должна дружно поддержать своё правительство, чего бы это ей ни стоило!»[147]

Г. Алексинский в своей критике был чуть более конкретен. Он считал, что, за исключением Керенского, социалисты, участвовавшие в первом коалиционном правительстве, «всё ещё не представляют себе, что только стоя на почве революционной войны против немецкой реакции, угрожающей русской и европейской свободе, правительство может преодолеть разруху и собрать вокруг себя все живые силы народа. Керенский, — подчёркивал Григорий Алексеевич, — понимает это и зовёт войска идти вперёд. Но… Скобелев и Чернов подрывают значение и силу его благородных призывов, — один публично клянясь в верности антипатриотическим идеям циммервальдского лжеинтернационализма, другой — столь же публично насмехаясь над “штатскими крикунами”, зовущими солдат к наступлению…»[148] Перечисляя же виновников неудачи наступления 18 июня, Алексинский поставил Временное правительство лишь на третье место в их числе, после вождей большевиков и Исполкома Петросовета. Вина правительства, писал он, «смягчается тем, что оно было, в

сущности, не столько властью, сколько придатком власти Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, каким-то червеобразным отростком его»[149].

Довольно резкого осуждения со стороны Плеханова удостоился выход кадетов Мануйлова, Некрасова, Степанова, Шаховского и Шингарёва из первого коалиционного министерства в знак протеста против принятия 2 июля 1917 г. «Декларации Временного правительства к Украинской Раде», фактически означавшей предоставление Украине автономии. В статье «Две недели на размышление» он писал о «грехе» кадетов, заключавшемся в том, что подобный демарш их партии увеличил шансы победы ленинской тактики, явившись дополнительным доводом в пользу требования большевиков о необходимости передачи всей власти в руки Советов. Победа ленинцев, по убеждению Георгия Валентиновича, «не замедлила бы принести нам экономическое банкротство *внутри* и самое жестокое поражение на всех *театрах военных действий*. Этого было бы совершенно достаточно для того, чтобы… надолго обеспечить торжество контрреволюции…»[150]

Образование нового правительства во главе с Керенским, появившегося на свет «под знаком спасения родины и революции от внешнего врага и его внутренних союзников», Г. Плеханов приветствовал. «Преступлением против революции было бы не только восставать против него, но и воздвигать перед ним хотя бы самомалейшие препятствия», — написал он в статье «Новое министерство», опубликованной 9 июля в № 85 «Единства». Однако на этот раз Георгий Валентинович не удержался уже от одного серьёзного замечания-напутствия в адрес второго коалиционного правительства и его главы. Он был искренне озабочен тем, что Керенский «слишком верит в силу слова». Такую веру Плеханов считал излишней роскошью для находящейся в состоянии войны с внешним врагом страны, устойчивости власти в которой, к тому же, постоянно угрожают внутренние враги — контрреволюция справа и анархия слева. Он обращал внимание нового правительства на то, что власть слова прекращается там, где оружие критики уступает своё место критике посредством оружия. «Революция должна решительно, немедленно и беспощадно давить всё то, что загораживает ей дорогу, — подчёркивал Г. Плеханов. — Она оказалась бы мёртворождённой, она была бы очень скоро побеждена контрреволюцией, если бы не могла справиться с нашей *германофильской* анархией»[151].

Со временем деятельность Керенского на посту премьера подвергалась со стороны лидера группы «Единство» всё более жёсткой критике. Правда, памятуя о том, что причинение всякого ущерба правительству льёт воду на мельницу большевиков, Плеханов в течение некоторого времени старался не выносить эту критику на суд общественности. Пример

тому — его оценка речей А. Керенского на Государственном совещании в Москве, проходившем в середине августа 1917 г.

Вечером в тот день, когда министр-председатель произнёс речь о «цветах души», Георгий Валентинович заявил социал-демократу Николаю Валентинову (Вольскому), на квартире которого он остановился на время пребывания в Москве, что никогда не мог предположить, что Керенский захочет поставить себя в такое смешное и жалкое положение. «Слезливый Ламартин был всегда мне противен, — говорил Плеханов, сравнивая российского первого министра с одним из членов Временного правительства Франции в 1848 г., — но Керенский даже не Ламартин, а Ламартинка, он не лицо мужеского пола, а скорее женского… Его речь достойна какой-нибудь Сарры Бернар из Царёвококшайска. Керенский — это девица, которая в первую брачную ночь так боится лишиться невинности, что истерически кричит: мама, не уходи, я боюсь с ним остаться». Однако на вопрос удивлённого Валентинова, неужели именно в таком тоне он будет писать статью о Государственном совещании, Г. Плеханов ответил отрицательно. «Всего того, что я о Керенском думаю, я написать не могу, — сказал он. — Пока нет другого правительства, забивать насмерть существующее — значило бы… делать дело Ленина»[152].

Так Плеханов и поступил. В статье «Что дало Московское Совещание» Георгий Валентинович сконцентрировал внимание на более понравившейся ему речи министра-председателя, произнесённой 12 августа на открытии совещания, где, среди прочего, говорилось, что любая попытка посягнуть на власть Временного правительства «будет прекращена железом и кровью»[153]. Плеханов охарактеризовал данное заявление, как «важный результат» Государственного совещания, заметив попутно, что «стране нужна сильная, ни перед чем не останавливающаяся, революционная власть», без которой Россия погибнет[154].

В дни выступления генерала Корнилова руководитель группы «Единство» остался верен себе, оказывая всяческую поддержку законному правительству. «Невозможно никакое сомнение в том, что наша революционная демократия поддержит Временное Правительство в его борьбе с генералом-бунтарём», — писал он в статье «Что делать?». Он считал, что, развязав гражданскую войну, «внутренний немец» Корнилов играл на руку «немцу внешнему» — Гинденбургу[155], а также рвавшимся к власти большевикам. «Мятеж генерала Корнилова, — подчёркивал Плеханов уже в статье «Анархия и контрреволюция», — в огромной степени способствовал усилению ленинского большевизма»[156].

Выход из создавшегося положения он видел в расширении социальной основы власти и создании в лице Временного правительства реальной коалиции, предполагая, что если бы это было сделано раньше, то мятежный генерал не позволил бы себе даже думать о возможности захвата политической власти. «Однако, ошибка, сделанная нашим правительством, пока ещё не представляется непоправимой, — писал Георгий Валентинович в «Что делать?». — А. Ф. Керенский ещё может сделать обязательную для него попытку войти в политическое соглашение с торгово-промышленным классом». Помимо этого, Г. Плеханов настоятельно советовал помнить, что одним из самых убедительных в глазах населения доводов против революционной демократии и поддерживаемого ею Временного правительства могло бы стать подозрение их в нежелании «вести войну со всей энергией, какая требуется в нашем отчаянном положении». «Этот довод… необходимо вырвать из рук противников революции, — писал он 29 августа. — А его нельзя вырвать иначе, как отказавшись от "борьбы за мир" в циммервальдском духе. Мы должны бороться за победу. С циммервальдской утопией наша революционная демократия должна расстаться, по крайней мере, на время. Пусть она верит в её будущее воскресенье. …Но теперь циммервальдская утопия должна быть похоронена, чтобы не погибла Россия, а с нею и русская революция»[157].

Однако «циммервальдская утопия» оказалась очень живучей, похоронить её так и не удалось. По-другому и не могло быть в стране, народ которой давно устал воевать и жаждал только одного — скорейшего заключения мира. В таких условиях утопией было как раз бороться со всеобщим стремлением к немедленному прекращению войны и настойчиво призывать к доведению её до победы. Но Г. Плеханов старался не сдаваться и, когда была опубликована декларация образованного 25 сентября 1917 г. третьего коалиционного правительства, гласившая, что оно «будет продолжать… внешнюю политику в духе демократических начал, …стремясь к достижению всеобщего мира, исключающего насилия с чьей бы то ни было стороны»[158], он уже открыто подверг критике её содержание.

Появление на свет такого документа Плеханов расценил как «капитуляцию всех входящих в коалицию политических партий перед одною из разновидностей циммервальд-кинтальского анархо-синдикализма»[159]. Проводя анализ влияния идей Циммервальда и Кинталя на внешнюю политику Временного правительства, он пришёл к выводу, что именно циммервальд-кинтальское направление обусловило собой «хронический правительственный кризис», начавшийся в 20-х числах апреля. Правительство же, переживавшее состояние хронического кризиса, по его убеждению, не могло деятельно оборонять страну. Но главная беда, полагал Георгий Валентинович, была всё же в том, что «циммервальд-кинтальская "война за мир" страшно понизила боеспособность русского войска. Если недавно осуждённый Сухомлинов оставил русского солдата без снарядов, — писал он в статье «Смотрите, Граждане!» из № 154 «Единства» от 3 октября, — то идея Циммервальд-Кинталя растлила солдатскую душу. Вот почему немецкая армия продвигается вперёд». Необходимо заметить, что от указанной статьи Плеханова веет уже ощущением некой безнадёжности, обречённости. Чувствуется, что автор писал её, не имея надежды, что

крик его души будет услышан. И не случайно заканчивалась она словами: «Конец приближается»[160]. Виновниками же проникновения циммервальд-кинтальских идей в политику Временного правительства вообще и третьей коалиции, в частности, Г. Плеханов считал руководство Исполкома Петросовета во главе с И. Церетели[161].

Осталось добавить к этому, что именно восприятие уставшими воевать солдатами российской армии идей Циммервальда и Кинталя о необходимости немедленного заключения мира без аннексий и контрибуций как руководства к действию явилось главной причиной того, что оборонческие призывы Плеханова в 1917 г. остались гласом вопиющего в пустыне, а его критика увлечения этими идеями членов Временного правительства не достигла своей, безусловно, благой цели. В который уже раз в истории нашей многострадальной Родины голос одного из наиболее выдающихся представителей интеллигенции, указывавшего, в данном случае, на необходимость активного участия граждан России в защите Отечества от внешнего врага и на несвоевременность выдвижения лозунга немедленного заключения мира в условиях занятия неприятелем части территории страны, не был услышан ни властью, ни народом. Последствия этого были, как известно, печальными.

Таким же убеждением в конечной безрезультатности любых предпринимаемых действий веет и от работ Плеханова, в которых он высказывался по поводу некоторых конкретных событий войны. Как-то слишком спокойно, без паники и истерических криков, без былого «огня» отреагировал лидер «Единства», например, на взятие немцами Риги в августе 1917 г. Он расценил это поражение как «крайне тяжкий удар», после которого возник вопрос о том, «будем ли мы в состоянии отстоять Петроград»[162].

Неверие Г. Плеханова в то, что от его писаний что-либо изменится в лучшую сторону, весьма красноречиво характеризует название одной из статей, посвящённых падению Риги — «У последней черты» (№ 122 «Единства» от 23 августа). В ней Георгий Валентинович призывал воевать со всей энергией, на какую ещё способна страна. «А чтобы Россия энергично вела войну, — говорилось в статье, — надо, чтобы мы, социалисты, отметали в своей пропаганде и в своих резолюциях всё то, что могло бы ослабить боеспособность нашей армии»[163].

Не появилось оптимизма и в статье «Смотрите, Граждане!», написанной по горячим следам высадки немецкого десанта на острове Эзель. В ней Плеханов под впечатлением этой удачной вражеской операции писал, что, таким образом, начинается «потрясающая трагедия военного разгрома великого народа, едва стряхнувшего с себя цепи старого порядка, едва родившегося для свободной жизни»[164]. И разгром великого народа, действительно, начинался.

5. Критика позиции и деятельности руководства Петроградского Совета и меньшевистской партии в решении проблемы мира

Немало внимания в работах Плеханова и его сподвижников уделялось в 1917 г. критике политической деятельности и отношения к мировой войне руководства Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Необходимо отметить, что отношения лидера группы «Единство» с ним были довольно напряжёнными, поскольку советское руководство, по мнению Н. Суханова, «не обнаруживало склонности идти навстречу контакту с Плехановым», дабы не «компрометировать себя в глазах масс»[165].

Тем не менее лидеры Совета И. Церетели и Н. Чхеидзе, учитывая заслуги Георгия Валентиновича перед революционным движением, ставили вопрос о включении его в Исполком Петросовета, правда, лишь с совещательным голосом. Встречным условием Г. Плеханова стало предоставление там ещё одного места для члена группы «Единство» — Льва Дейча. Однако на заседании Исполкома от 14 апреля большинством в 23 против 22 голосов было признано невозможным предоставить группе «Единство» два места в комитете. В результате лишь 2 июня 1917 г. Георгий Валентинович был избран рядовым членом Совета от более чем тысячи служащих столичного железнодорожного узла[166].

Аналогичная история произошла и с другим лидером «Единства» Г. Алексинским, которому в начале апреля, после обсуждения в Исполкоме Петросовета, было отказано в праве участия в его работах. Тогда 8 июля 1917 г. практически единогласно он был выбран в Совет от Управления служб пути и тяги Северо-Западных железных дорог. Однако на этом история не закончилась. Получив утверждение своих новых полномочий от мандатной комиссии Нарвского района Петрограда, Алексинский не был, в свою очередь, утверждён в качестве депутата аналогичной комиссией Исполнительного комитета столичного Совета. В связи с этим июльское Совещание делегатов «Единства» приняло соответствующее постановление с протестом против такого решения, в котором оно усмотрело «новое проявление той тактики систематического преследования, которой придерживаются по отношению к организации “Единство” так называемые “интернационалисты”»[167].

Причины такого преследования были очевидными. Т. Алексинская, например, писала о том, что Церетели, Чхеидзе и их коллеги по Исполкому сделали всё для того, чтобы «не впустить струю здорового воздуха в нездоровую атмосферу Совета» из-за «личных расчётов и личного самолюбия», боясь влияния Плеханова и Алексинского[168]. Однако главной причиной такого упорного противодействия участию лидеров «Единства»

в деятельности руководящих советских учреждений была, безусловно, их «военная» платформа. Один из биографов Г. Плеханова верно замечал по этому поводу, что его определённая позиция, «как по отношению к войне, так и по всем основным вопросам, поставленным русской революцией, шла вразрез с половинчатой и нерешительной политикой руководителей Совета, оглядывавшихся, к тому же, на большевиков. И Георгий Валентинович в Совет допущен не был»[169].

А сам Плеханов, обвиняя в содействии в этом деле также и меньшевистский ОК РСДРП, для которого, как он считал, был «ненавистен наш взгляд на войну», в № 88 «Единства» от 13 июля 1917 г. написал такие строки: «Если Организационный Комитет… употребил все старания для того, чтобы закрыть нашим представителям доступ в Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских депутатов, то… это… не более, как *плод циммервальд-кинтальского изуверства*»[170].

Оставшись фактически за бортом руководящих советских учреждений и заняв место радикальной патриотической оппозиции, Г. Плеханов и его единомышленники резко критиковали деятельность Исполкома Петросовета, который они считали «фактическим правителем России»[171]. Особенно это касалось его половинчатой, эклектичной позиции по отношению к мировой войне, окончательно сформулированной в 20-х числах марта после приезда в Петроград из сибирской ссылки И. Церетели. Руководство столичного Совета чудесным образом совмещало в своей «военной» платформе и необходимость участия в обороне революционной России, и чрезвычайно расхолаживавший солдат нашей армии лозунг одновременного ведения борьбы за заключение мира без аннексий и контрибуций.

Выступая на Общероссийской конференции РСДРП 7 мая 1917 г., Л. Дейч в связи с этим заявил: «Мы, оборонцы, считаем священным долгом стать на сторону стран, подвергшихся нападению с самого начала войны. Я считаю это обязательным не только для социалиста, но просто для порядочного человека. Каждый порядочный человек обязан выступить и принять все меры к тому, чтобы война кончилась в интересах данного государства, чтобы культура была спасена, убытки возмещены. Так как мне известно, что многие из вас к этому вопросу относятся иначе, я не могу считать себя меньшевиком». Сделав это заявление и бросив на прощание фразу: «Не мы являемся отступниками, а именно вы», Лев Григорьевич немедленно покинул конференцию[172].

Позиция так называемого «революционного оборончества» характеризовалась «единцами» как полупораженческая, полуленинская, не имевшая ничего общего с марксизмом[173]. Т. Алексинская, например, полагала, что полупораженческая группа в лице лидеров Исполкома Петросовета И. Церетели, Ф. Дана, Н. Чхеидзе, А. Гоца и их единомышленников была «вреднее подлинных пораженцев-ленинцев»[174].

А Г. Плеханов в статье «Что посеяли, то и пожали» из № 138 «Единства» утверждал, что большевики оказались у власти в Петроградском Совете 25 сентября 1917 г. (Лев Троцкий занял в этот день кресло его председателя) именно по причине 7-месячного насаждения его прежним руководством полуленинства. «Доказывая, что мы переживаем буржуазную революцию, Церетели, Скобелев и другие являлись противниками Ленина; отстаивая циммервальд-кинтальскую утопию, они выступали его союзниками и… сообщниками. Потому-то я назвал их *полуленинцами*, — писал Георгий Валентинович 12 сентября в указанной статье. — …циммервальдская душа должна была в груди меньшевиков оттенка Церетели и Скобелева взять верх над марксистской душой. И она, действительно, взяла верх над нею». Результатом увлечения идеями циммервальд-кинтальской «секты», по мнению лидера организации «Единство», явилось то, что И. Церетели и его соратники, сами того не желая и не сознавая, «прокладывали путь для Ленина». «Они, так разумно утверждавшие, что захват власти трудящейся массой был бы для неё величайшим историческим несчастием, чрезвычайно много сделали для того, чтобы толкнуть её в бездну этого несчастья, — говорилось в заключении статьи. — При таких обстоятельствах победа Ленина… была заранее обеспечена. И он победил»[175].

Деятельности М. Скобелева в министерском кресле и И. Церетели в роли фактического лидера Петросовета «единцы» уделяли особое внимание. Первый характеризовался четой Алексинских как бездарность с головой самоуверенной, но мало государственной[176]. Роль второго в революционных событиях 1917 г. более детально и глубоко анализировалась самим Плехановым.

26 августа в № 125 «Единства» появилась его статья «И. Г. Церетели», написанная в связи с предполагавшимся отъездом этого советского лидера на Кавказ для лечения лёгких. В ней автор отдавал должное тому, что «наш талантливый и самоотверженный товарищ» Церетели «сознательно ухудшал своё физическое состояние ради исполнения своего революционного долга», чего «не забудут русские пролетарии». Далее Г. Плеханов утверждал, что, не будучи теоретиком, Ираклий Георгиевич обладал тем не менее известным инстинктом, помогавшим ему разбираться в вопросах политической практики. Благодаря этому инстинкту, по мнению лидера «Единства», Церетели постепенно пришёл к сомнению в верности циммервальд-кинтальских догм, а когда его почитатели заметили это и восстали, он пошёл им на уступки и стал «поспешно пятиться назад»[177].

В качестве примера одной из таких уступок Плеханов приводил составленный Церетели проект резолюции «Политический момент и задачи партии», принятой 23 августа 1917 г. на Объединительном съезде РСДРП и содержавшей, среди прочего, положение о необходимости «усиления борьбы за всеобщий мир»[178]. Эта резолюция, считал Георгий Валентино-

вич, «по самой снисходительной оценке, представляет собою… эклектическую нищенскую похлёбку». «Согласитесь, — писал он далее в статье «И. Г. Церетели», — что при нынешнем военном положении России решительно нельзя идти дальше в смысле уступок… Циммервальд-Кинталю». Несмотря на это, Плеханов был всё же уверен, что Церетели пошёл в этой резолюции против собственных убеждений, которые рано или поздно возьмут верх в его политической практике. «Сдаётся мне также, — высказывал предположение Георгий Валентинович, — что именно нежелание мучить себя бесплодной борьбой со своим собственным я и побудило его, наконец, внять советам врачей и заняться восстановлением своего сильно расшатанного здоровья. …я надеюсь, что на Кавказе он избавится от угара вредных для него рукоплесканий и окончательно выяснит себе роль вождя, которая заключается вовсе не в том, чтобы приспособляться к предрассудкам массы, а в том, чтобы смело бороться с ними»[179].

Ещё более резкие оценки политической деятельности Церетели весной—летом 1917 г. Г. Плеханов высказывал в частных беседах. «Говоря о меньшевиках, — вспоминал Н. Валентинов, — Плеханов с особой резкостью относился к Церетели. Он делал это с таким раздражением, что меня, хотя Церетели совсем не был моим героем, просто коробило». Подчёркивая, что паруса корабля И. Церетели раздувает исключительно «циммервальд-кинтальский ветер», руководитель организации «Единство» заявлял Н. Валентинову: «Если из молодых общественных деятелей, выдвинувшихся в последнее время, взять, например, Савинкова и Церетели, то скажу вам, — за одного Савинкова, понимающего, что Россия гибнет и что нужно для её спасения — я десять Церетели отдам». А что касается цитируемой выше статьи из «Единства», посвящённой И. Церетели, то Валентинов утверждал, что в ней «не было и сотой доли тех язвительных суждений, которыми Плеханов его осыпал»[180]. И, наконец, подводя итог руководства Ираклием Георгиевичем Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов в марте—августе 1917 г., Г. Плеханов в статье «Ленин и Церетели» из № 145 «Единства» от 21 сентября верно подметил, что, будучи циммервальдистом, «*он усердно и успешно уравнивал дорогу, ведущую к воротам ленинского большевизма*»[181].

Серьёзной и аргументированной критике в работах Плеханова и его сподвижников подвергалась в 1917 г. поддерживаемая лидерами Исполкома Петросовета идея созыва и участия в международной конференции социалистов воевавших и нейтральных стран. Во второй половине апреля один из руководителей датской социал-демократической партии Фредерик Боргбьёрг приехал в Петроград и от имени Объединённого комитета рабочих партий Дании, Норвегии и Швеции предложил социалистическим партиям России принять участие в конференции по выработке условий будущего мира, созыв которой предполагался в Стокгольме в мае 1917 г. 23 апреля Боргбьёрг сделал доклад на заседании Исполкома Петроградского Совета, где заявил, что кайзеровское правительство примет те условия мира, которые германская социал-демократия предложит на социалистической конференции[182]. Предполагаемая конференция считалась в те времена существенным фактором мира. Её созыв стал весной 1917 г. во всей Европе основной осью борьбы за мир.

Заслушав 25 апреля заявления партийных групп по этому вопросу, на следующий день Исполнительный комитет столичного Совета постановил взять на себя инициативу созыва данной конференции, а 30 апреля Пленум Совета подтвердил это решение, чем, по мнению лидера «Единства», «сильно погрешил против интересов всемирного пролетариата»[183]. На конференцию были приглашены социалисты как оборонческого, так и пацифистского направлений (в том числе немецкие). Большинство английских, французских и бельгийских социалистов в лице министров своих национальных правительств А. Гендерсона, А. Тома и Э. Вандервельде от участия в конференции сначала отказались, поскольку власти Великобритании и Франции желали довести войну до полной победы над немцами.

Согласились участвовать в конференции группа Ж. Лонге от Франции, группа Д. Р. Макдональда от Англии, от Германии — образовавшаяся в апреле 1917 г. Независимая социал-демократическая партия (НСДПГ) во главе с К. Каутским, Г. Гаазе, Г. Ледебуром и Э. Бернштейном (за исключением «спартаковцев» под руководством К. Либкнехта, Р. Люксембург, Ф. Меринга и К. Цеткин), а также представители австрийских, венгерских, чешских и итальянских социалистов. Проанализировав состав согласившихся участвовать в Стокгольмской конференции, Плеханов писал, что при отсутствии на ней «французских большевиков, английского организованного пролетариата, бельгийской социалистической партии и значительной части… русских социалистов, — конференция по необходимости будет иметь *однобокий в пользу Германии характер*»[184].

Георгий Валентинович был уверен, что Стокгольмская конференция «только тогда могла бы принести пользу международному рабочему движению, …приблизить наступление мира, если бы люди, взявшие на себя её почин, имели смелость не приглашать на неё партию Шейдемана»[185]. «Входить с ними в какие бы то ни было переговоры значит изменять всем традициям Интернационала и мириться с германским ревизионизмом, давно уже объявившим непримиримую войну международному революционному социализму, — утверждал Плеханов в статье «Товарищи, не попадайтесь в ловушку!» из № 22 «Единства» от 25 апреля. — Заседать с ними на одной конференции, значит затемнять сознание международного пролетариата в такую минуту, когда необходимо внести в него самый яркий свет»[186].

В резолюции же июльского Совещания делегатов «Единства», посвящённой Стокгольмской конференции, говорилось, что сам факт её со-

зыва «является ни чем иным, как достойной сожаления попыткой сблизить более или менее последовательных социал-демократов всех стран с пособниками австро-германского империализма вроде Шейдемана, Пернерсторфена, Зюдекума, Эберта и других»[187]. Лидер «Единства» был убеждён, что участие в конференции посланцев партии Шейдемана не будет содействовать восстановлению Интернационала (к чему Плеханов как настоящий, преданный социалист-интернационалист всячески стремился), а, наоборот, расколет его[188].

Не успокаивал Плеханова и факт предполагавшегося участия в конференции от Германии осуждавших тактику Ф. Шейдемана «независимцев». При всём «уважении к Каутскому, — писал он, — я не могу возлагать преувеличенных надежд на энергию человека, поведение которого отличалось, в течение нынешней войны, именно огромным недостатком энергии. Что касается родоначальника германского ревизионизма, Бернштейна, — этого духовного отца Шейдемана, — то я предпочитаю умолчать о нём, несмотря на то, что за ним есть заслуга известной непоследовательности…»[189]

Г. Плеханова нисколько не смущала ирония меньшевистской «Рабочей газеты» по поводу того, что он в своём отрицательном отношении к Стокгольмской конференции сошёлся с большевиками, которые также категорически отказывались от участия в ней. В. Ленин утверждал, что «за всей этой комедией якобы социалистического съезда кроется самый реальный политический шаг германского империализма», который, будучи уже неспособным ни вести дальше завоевательную войну, ни удержать завоёванного, послал в Петроград своего агента, «датского Плеханова» Боргбьёрга для того, чтобы путём проведения международного социалистического съезда склонить страны Антанты к заключению выгодного для Германии мира. «Надо сказать, — говорил лидер большевиков на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б), — как это делается: Бетман-Гольвег едет к Вильгельму, Вильгельм призывает Шейдемана, Шейдеман едет в Данию, а в результате — Боргбьёрг едет в Россию с условиями мира». Отказ оборонческого большинства английских и французских социалистов участвовать в Стокгольмской конференции трактовался Лениным как их желание помочь своим национальным правительствам «душить и грабить Германию, ибо она уже не может долее вести завоевательную политику». Вывод большевистского вождя был таков: «…нам эту комедию социалистического съезда надо разоблачать. Все эти съезды ни что иное, как комедии, прикрывающие сделки дипломатов за спиной народных масс»[190].

Констатируя такое чисто внешнее сходство с ленинским своего отношения к проведению социалистического форума в Стокгольме, Г. Плеханов, обращаясь к своим критикам, писал, что он «не настолько проникнут фракционным духом, чтобы оспаривать Ленина, когда он говорит: дважды два четыре. …Притом, если нужно выбирать между Лениным и миролюбцами из "Рабочей газеты", то я предпочту Ленина, как человека более смелого и последовательного. …Моя точка зрения прямо противоположна точке зрения Ленина, — подчёркивал Георгий Валентинович, — однако, не могу же я не видеть, что он — цельный тип, тогда как вы, почтенные товарищи из "Рабочей газеты", были и остаётесь… только *полу*-Лениными»[191].

8 мая на заседании Исполкома Петросовета было принято положение об организации комиссии по созыву конференции, в состав которой должны были войти Президиум Исполкома, 3 члена Исполкома и представители политических партий, входивших в Совет. В результате в комиссию были избраны П. Аксельрод, И. Гольденберг, Ф. Дан, Л. Мартов, В. Розанов, М. Скобелев, Н. Суханов, И. Церетели, В. Чернов и Н. Чхеидзе. 20 мая Исполнительный комитет Петроградского Совета принял обращение к социалистическим партиям и центральным профессиональным организациям всего мира, в котором призывал принять участие в конференции, предложил место и время её работы (Стокгольм, 28 июня — 8 июля 1917 г.).

В конце июля—начале августа 1917 г. представители оборонческого большинства сначала французских, а затем и английских социалистов изменили своё решение не принимать участие в предполагавшейся конференции, решив послать своих делегатов в Стокгольм. Нельзя сказать, что это известие было для Плеханова приятным. Большой вред кампании по созыву международного социалистического съезда в Стокгольме для благоприятного финала участия России в Первой мировой войне он видел в том, что конференция принесёт «новую и опасную путаницу понятий в умах солдат». При этом имелось в виду, что когда российский солдат услышит, что созвана международная конференция в целях борьбы за мир, то он вообразит, будто прекращение войны есть дело ближайших дней. «Когда явится у него подобная мысль, он… потеряет охоту энергично продолжать вооружённую борьбу с неприятелем, — писал Плеханов в статье «Конференция международных оппортунистов» из № 108 «Единства» от 5 августа 1917 г. — Таким образом, названная конференция будет влиять на русскую армию в том же самом направлении, в каком влияют на неё сторонники Ленина»[192].

Чуть раньше на ту же тему высказывался Г. Алексинский, который утверждал, что когда наш солдат слышит или читает информацию о желании Исполкома Петросовета послать своих делегатов на мирную конференцию в Стокгольм, ему представляется, что война уже закончена и воевать, а тем более вести наступательные операции уже незачем[193].

В указанной статье от 5 августа Г. Плеханов, имевший весьма значительный опыт участия в различного рода международных социалистических съездах, уверял читателей, что участники Стокгольмской конфе-

ренции не привезут с собою ничего, кроме «двух-трёх каучуковых резолюций, по своей растяжимости не выясняющих, а, наоборот, затемняющих принципы международного социализма!»[194].

Однако до этого не дошло. Конференция в Стокгольме всё же не состоялась, так как узнав о решениях своих социалистов принять в ней участие, правительства Великобритании, Франции, Италии и Соединённых Штатов официально заявили, что паспортов для выезда на конференцию они им не дадут, а английский премьер Ллойд Джордж даже уволил в грубой форме из правительства Гендерсона, бывшего одновременно министром и секретарём рабочей партии. «Под натиском единого буржуазного фронта, в смрадной шовинистической атмосфере второй Интернационал капитулировал снова, и стокгольмская конференция не состоялась»[195], — писал по этому поводу Н. Суханов. Так фактически закончилась многомесячная история несостоявшегося созыва невыгодной никому, кроме германского правительства, международной конференции социалистов. Наивно-утопическим надеждам желавших поучаствовать в ней социалистов, в том числе и руководителей Исполкома Петроградского Совета, на то, что её решения будут способны приблизить заключение всеобщего справедливого мира, не суждено было сбыться.

Однако у канувшей в Лету Стокгольмской конференции быстро появилась альтернатива — в конце 1917 г. в Париже предполагалось (с тем же результатом, что и в случае со Стокгольмом) созвать конференцию стран Антанты. Советское руководство решило попытаться использовать эту конференцию для максимального продвижения к заключению мира. Помимо правительственных делегатов, предполагалось направить туда и посла революционной демократии, коим стал неоднажды критиковавшийся «единцами» М. Скобелев. На одном из закрытых заседаний ЦИК Советов в начале октября была принята «Инструкция делегату ЦИК на союзную конференцию» («Наказ Скобелеву»), представлявшая собой программу мира, с которой он должен был там выступить.

Ознакомившись с этим документом, «делающим слишком мало чести политической проницательности своих авторов», Г. Плеханов подверг его жёсткой критике. Содержание «Наказа Скобелеву» он охарактеризовал как «минимальную программу германского империализма», поскольку был убеждён, что «германский империализм не будет иметь повода горько жаловаться на судьбу, если приняты будут условия мира, выработанные нашими противниками империализма». На чём же были основаны столь резкие оценки? Иллюстрируя свои выводы, Плеханов в первой части статьи «Минимальная программа германского империализма» из № 163 «Единства» от 13 октября 1917 г. перечислил те выгоды, которые получили бы державы Четверного союза в случае практической реализации предложенных в «Наказе» условий мира:

«1) К Германии с её колониями совершенно не был бы применён принцип самоопределения народов (например, к прусской Польше — герцогству Познанскому — Э. К.).

2) К Австро-Венгрии он был бы применён лишь в самой незначительной степени (автономия Боснии и Герцеговины).

3) Наоборот, его во всей полноте приложили бы к русской Польше, Литве и Латвии. В военном смысле это означало бы… относительное ослабление русского государства и относительное усиление центральных держав.

4) Германия получила бы ту свободу морей, которой она так усердно добивается, чтобы облегчить осуществление своих империалистических целей.

5) Так как Турция ничего не утратила бы от своих владений (кроме разве Армении), и так как она несомненно осталась бы в вассальной зависимости от Германии, в какую она попала во время войны, то почти целиком выполнен был бы знаменитый план, выраженный формулой: "Берлин—Багдад"»[196].

Учитывая содержание «Наказа Скобелеву», Г. Плеханов подчёркивал в той же статье, что «целая пропасть» лежит между ним и авторами этого документа, которых логика Циммервальд-Кинталя превратила в бессознательных сторонников австро-германского империализма и которые в своей международной политике следуют тактике нового, III Интернационала, обязанного своим возникновением, главным образом, «германскому агенту»[197] Роберту Гримму, Карлу Радеку и Анжелике Балабановой. Тем не менее нельзя не отдать должное Георгию Валентиновичу, который, несмотря на ожесточённую критику содержания анализировавшегося документа, в то же время имел волю признать, что «за авторами наказа и за их единомышленниками идёт значительная часть русского пролетариата»[198]. Правда, здесь Плеханов несколько заблуждался, поскольку ко времени написания им указанной статьи значительная часть рабочих России шла уже не за авторами наивно-утопического «Наказа Скобелеву», а за указывавшими прямой и кратчайший путь к долгожданному скорейшему заключению мира большевиками.

Не менее жёсткая критика раздавалась в 1917 г. со страниц работ «единцев» в адрес представителей интернационалистско-пацифистского течения в российском социализме, наиболее ярким олицетворением которых являлся тогда, как и ранее, Ю. Мартов. Т. Алексинская, например, бескомпромиссно относила их (конкретно Ю. Стеклова и Н. Суханова) к «пораженческим кругам»[199]. Самого Мартова, как и его «революционно-оборончески» настроенных коллег по партии меньшевиков, Г. Плеханов называл «бессознательным полуленинцем»[200].

Что же касается интернационалистов-пацифистов в целом, то в соответствующей резолюции июльского Совещания делегатов Всероссий-

ской социал-демократической организации «Единство» было сказано, что они «в теоретической области и в тактике соприкасаются одним своим крылом с ленинизмом и анархизмом, а другим с циммервальдизмом и, разделяя все заблуждения и тех, и другого, естественно расходятся с решениями Второго Интернационала, который считал необходимым для пролетариата защищать свою страну в том случае, если она подвергнется нападению». Учитывая это, резолюция обязывала членов «Единства» вести с интернационалистами-пацифистами «идейную борьбу»[201].

Представителей интернационалистско-оборонческого течения в партии меньшевиков Совещание призывало порвать с ними и «совместно с членами организации "Единство" создать обширный социал-демократический союз для откровенной последовательной и планомерной защиты принципов Второго Интернационала»[202]. Правда, Георгий Валентинович в 1917 г. так и не смог избавиться от определённой неприязни к А. Потресову, отношение которого к мировой войне на всём её протяжении мало чем отличалось от плехановского. Лидер «Единства» никак не мог простить Потресову его былого «ликвидаторства», а в особенности содержания статьи «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху», помещённой в широко известном пятитомнике «Общественное движение в России в начале XX века» (1909—1914). Основное внимание в этой работе Александр Николаевич уделил «легальному марксизму» П. Струве и его единомышленников, принизив тем самым, как казалось Георгию Валентиновичу, роль марксизма подпольного, олицетворявшегося тогда в России группой «Освобождение труда» во главе с Плехановым. По данной причине «творение» Потресова он считал «изменой марксизму»[203] и, будучи человеком злопамятным[204], до конца жизни не забывал этой «измены». В августе 1917 г. он говорил Н. Валентинову, что «ни особой остроты, ни тем более блеска» в послефевральской публицистике А. Потресова он не усматривал[205].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Денике Ю. Меньшевики в 1917 году // Меньшевики. С. 42.

[2] Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914—1919. Ломоносов Ю. В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 48.

[3] Дан Ф. О войне и мире. (Речи). Пг., 1917. С. 3.

[4] Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений / Под ред. Ю. Г. Фельштинского. Benson, 1990. С. 199, 104.

[5] Плеханов Г. В. Война и мир. С. 11.

[6] Год на Родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № 8. С. 85—86.

[7] Там же. № 10. С. 83.

[8] Станкевич В. Б. Указ. соч. С. 34.

[9] См.: Денике Ю. Указ. соч. С. 44, 47.

[10] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 79.

[11] Алексинский Г. Война и революция. С. 37.

[12] «Необходимо противопоставить…» № 3. С. 138.

[13] Год на Родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № 8. С. 86.

[14] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 119.

[15] Алексинский Г. Война и революция. С. 32, 33.

[16] Год на Родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № 8. С. 87—92.

[17] Цит. по: Дейч Л. Г. Указ. соч. С. 68, 56.

[18] Цит. по: Вольфсон С. Я. Указ. соч. С. 320.

[19] Бейрон С. Г. Плеханов, утопизм и российская революция // Отечественная история. 1995. № 5. С. 125.

[20] См.: Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 46, 34, 32.

[21] Плеханов Г. В. Речь на Московском Государственном Совещании. Историческая справка / Предисл. Ю. Фердмана. Давос, 1921. С. 20.

[22] Катин-Ярцев В. Н. Правда о войне. М., 1917. С. 3.

[23] Алексинский Г. Война и революция. С. 3, 29, 31.

[24] Аронсон Г. К истории правого течения среди меньшевиков // Меньшевики после Октябрьской революции. Сборник статей и воспоминаний Б. Николаевского, С. Волина, Г. Аронсона / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. Benson, 1990. С. 175.

[25] Сапир Б. Предтечи и зарождение меньшевизма // Меньшевики. С. 9.

[26] Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 57.

[27] Галили З. От группы кружков до зенита политического влияния. Документы меньшевистской партии первых шести месяцев революционного 1917 г. // Там же. С. 70.

[28] Заславский Д. О., Канторович В. А. Хроника Февральской Революции. Т. 1. 1917 г. Февраль—Май. Пг., 1924. С. 212.

[29] Николаевский Б. А. Н. Потресов. Опыт литературно-политической биографии // Потресов А. Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 74.

[30] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 68.

[31] Цит. по: Аронсон Г. К истории правого течения среди меньшевиков. С. 239.

[32] См., напр.: Вардин Ил. Эпоха войн и революций. М.-Л., 1925. С. 51—52; Аронсон Г. К истории правого течения среди меньшевиков. С. 176, 183, 244; Галили З., Ненароков А. Кризис коалиционной политики и усиление центробежных тенденций в меньшевистской партии. Июль—август. Документально-исторический очерк // Меньшевики в 1917 году: В 3 т. / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. Т. 2. Меньшевики в 1917 году: от июльских событий до корниловского мятежа. М., 1995. С. 49 и др.

[33] Аронсон Г. К истории правого течения среди меньшевиков. С. 176.

[34] См., напр.: Ланде Л. Состояние партийной организации к моменту октябрьского переворота // Меньшевики. С. 79; Тютюкин С. Плеханов // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. С. 461 и др.

[35] Ланде Л. Указ. соч. С. 79.

[36] Далин Д. Указ. соч. С. 149.

[37] Корников А. А. Судьба российского революционера: Н. Н. Суханов — человек, политик, мемуарист. Иваново, 1995. С. 67.

[38] См.: Меньшевики. Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 гг. С. 347—350, 496.

[39] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 36.

[40] Год на Родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № 12. С. 82.

[41] См.: Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 35.

[42] Валентинов Н. В. Беседы с Плехановым в августе 1917 г. // Валентинов Н. В. Наследники Ленина / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 1991. С. 185.

[43] См.: Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 224, 225, 226; Т. 2. С. 36.

[44] Тихомиров Л. Указ. соч. С. 39.

[45] Захарова-Цедербаум К. И., Цедербаум С. И. Из эпохи «Искры». (1900—1905 гг.) / Предисл. В. И. Невского. М.-Л., 1926. С. 10.

[46] Легальная общественно-политическая газета «Единство» ежедневно выходила в Петрограде до 17 ноября 1917 г. (189 номеров). С 19 декабря 1917 г. выпускалась под названием «Наше единство» (22 номера). 20 января 1918 г. издание было прекращено в связи с отсутствием денег и болезнью главного редактора — Плеханова. Н. Суханов называл это издание «плехановским листком», «крошечной, малочитаемой и совершенно невлиятельной газеткой» (Суханов Н. Н. Записки о революции: В 3 т. Т. 2. Кн. 3—4. М., 1991. С. 42; Т. 1. Кн. 1—2. М., 1991. С. 335). Солидарен с ним был и Г. Аронсон, называвший газету «Единство» «органом, пользовавшимся очень скромным влиянием как в советских, так и в меньшевистских партийных кругах» (Аронсон Г. К истории правого течения среди меньшевиков. С. 244).

[47] Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 2. М., 1925. С. 238.

[48] Алексинская Т. 1917 год // Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. Кн. 90. С. 140.

[49] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 293.

[50] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 129.

[51] Алексинская Т. Указ. соч. Кн. 91. С. 187.

[52] Там же. Кн. 90. С. 134.

[53] Дан Л. О. Семья. (Из воспоминаний) // Мартов и его близкие. Сборник. Нью-Йорк, 1959. С. 35.

[54] Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 337.

[55] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 8—9.

[56] Там же. С. 11, 10, 7.

[57] Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 337.

[58] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 12.

[59] Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 167.

[60] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 11.

[61] Год на Родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № 9. С. 83—85.

[62] Там же. С. 86; № 10. С. 82.

[63] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 32.

[64] Царский генерал Е. Мартынов, после октябрьского переворота 1917 г. перешедший на службу к большевикам и прекрасно охарактеризовавший роль армии в Февральской революции, писал, что «Приказ № 1 был как бы клином, вбитым в тело армии, после чего она раскололась на две части и стала быстро разлагаться» (цит. по: Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 334). А известный русский писатель, философ и публицист Василий Розанов в своём «Апокалипсисе нашего времени» писал, что это был приказ, «превративший одиннадцатью строками одиннадцатимиллионную русскую армию в труху и сор», и что германский Генеральный штаб охотно бы заплатил за

этот «клочок писанной чернилами бумажки всю сумму годового Дохода Германии за год» (цит. по: Под созвездием топора: Петроград 1917 года — знакомый и незнакомый. М., 1991. С. 71—72).

[65] Алексинский Г. Кто виноват? // Без лишних слов. Еженедельник политики, литературы и общественной сатиры / Под ред. Г. А. Алексинского и Л. М. Добронравова. № 2. 19 июля 1917. С. 2.

[66] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 35.

[67] Дневницкий П. Указ. соч. С. 8.

[68] Алексинский Г. Во имя социализма. (Речь к товарищам рабочим). Пг., 1917. С. 16.

[69] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 34.

[70] См.: «Плехановские прибавки». Г. В. Плеханов — председатель Комиссии по улучшению материального положения железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих. Публ. подг. А. Л. Райцхаум // Исторический архив. 1993. № 5. С. 80.

[71] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 300—303, 461, 466; Т. 33. С. 103; Т. 34. С. 201, 222 и др.

[72] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 218, 219.

[73] Там же. Т. 2. С. 43.

[74] Цит. по: Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 353.

[75] Цит. по: Валентинов Н. В. Указ. соч. С. 193.

[76] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 45, 46, 48.

[77] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 13, 370; Т. 34. С. 301, 349; Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 237; Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 131; Вардин Ил. Указ. соч. С. 52 и др.

[78] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 47.

[79] Катин-Ярцев В. Н. Указ. соч. С. 14.

[80] РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 173. Л. 1.

[81] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 220; Т. 2. С. 8—9.

[82] Там же. Т. 1. С. 47.

[83] Алексинский Г. Война и революция. С. 32.

[84] РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 173. Л. 1.

[85] Засулич В. Верность союзникам. Пг., 1917. С. 5—6, 7, 4.

[86] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 48.

[87] См.: Плеханов Г. В. Война и мир. С. 10.

[88] Плеханов Г. В. Речь на Московском Государственном Совещании. С. 22—23.

[89] Плеханов Г. В. Война и мир. С. 19—20.

[90] Рафаилов-Чернышёв В. О наших военных разногласиях. Пг., 1917. С. 16.

[91] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 81, 90.

[92] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 461.

[93] См.: Бумеранг братания. Подрывная деятельность австро-германских спецслужб на восточном фронте в 1917 году. Публ. С. Н. Базанова и А. В. Пронина // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 41.

[94] Там же. С. 39; № 3. С. 53, 56.

[95] Там же. С. 35—36.

[96] Цит. по: Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Очерк первый. Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. London, 1991. С. 42.

[97] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 40.

[98] Алексинский Г. Во имя социализма. (Речь к товарищам рабочим). С. 17, 18.

[99] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 48.

[100] Там же. С. 40.

[101] Алексинский Г. Во имя социализма. (Речь к товарищам рабочим). С. 22—23.

[102] Алексинский Г. Война и революция. С. 39.

[103] Плеханов Г. В. Война и мир. С. 13—14.

[104] Цит. по: Далин Д. Указ. соч. С. 150.

[105] Записные книжки Л. Г. Дейча // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 12.

[106] Плеханов Г. В. Война и мир. С. 13.

[107] См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 169; Т. 32. С. 295; РГАСПИ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 11. Л. 2; Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 181; Т. 2. С. 57; Вольфсон С. Я. Указ. соч. С. 312; Рубан Н. В. Октябрьская революция и крах меньшевизма. (Март 1917 — 1918 г.). М., 1968. С. 31, 32, 66; Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Из истории политических партий в России между двумя революциями. Л., 1973. С. 226; Иовчук М., Курбатова И. Указ. соч. С. 316—320, 323; Курбатова И. Н. В. И. Засулич и её роль в распространении идей марксизма в России // Засулич В. И. Избранные произведения. М., 1983. С. 28 и мн. др.

[108] См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 118, 300; Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 3. Кн. 5, 6, 7. М., 1992. С. 71; Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции: Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 43 и мн. др.

[109] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 169.

[110] Там же. С. 245.

[111] Иовчук М., Курбатова И. Указ. соч. С. 324.

[112] В одном из посланий в адрес Плеханова, помещённом в № 49 «Единства» от 27 мая 1917 г., по этому поводу говорилось: «…Идея "Единства", выразителем коей являетесь Вы, а вместе с тем и основанная Вами газета, — залог общего умиротворения… Ваш призыв во имя скорейшего мира к идейной войне с очагом милитаризма служит к предотвращению в будущем самоистребления и безумных трат на вооружение и способствует разрешению культурного назначения человека…» (Цит. по: Вопросы истории КПСС. 1991. № 8. С. 68).

[113] Плеханов Г. В. Война и мир. С. 15.

[114] См., напр.: Корников А. Н. Н. Суханов и его «Записки о революции» // Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 23; Тютюкин С. В. Политическая драма Г. В. Плеханова // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 155, 156; Галили З. От группы кружков до зенита политического влияния. С. 77—78; Хеймсон Л. Меньшевизм и большевизм (1903—1917): формирование менталитетов и политической культуры // Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 20, 45—46, 51; Его же. Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции // Россия XXI. 1995. № 3—4. С. 145; № 5—6. С. 122, 124—125; № 7—8. С. 182; Миллер В. Меньшевистская партия в 1917 году. Фрагменты истории в оценках российского исследователя // Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 58, 60, 62, 65, 68—69; Его же. 1917-й: взлёт и падение меньшевиков // Свободная мысль. 1995. № 10. С. 64, 66, 67, 70, 72, 73; Волобуев О., Клоков В. Меньшевики // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. С. 357; Тютюкин С. В. Меньшевизм как идейно-политический феномен // Меньшевики. Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 гг. С. 23 и др.

[115] См.: Гришина Р. П., Шемякин А. Л. Российская социал-демократия и проблема окончания войны (февраль—октябрь 1917 г.). Судьба Стокгольмской конференции // Европейское социалистическое движение. 1914—1917: Разрубить или развязать узлы? М., 1994. С. 56—57.

[116] Алексинский Г. Война и революция. С. 43. О безусловной совместимости понятий интернационализма и патриотизма (а значит и оборончества), писали, кстати, не только социалисты оборонческого направления, но и люди, казалось бы, в разрешении такого рода теоретических проблем совершенно не заинтересованные. Так, например, в 1907 г. знаменитый французский иммунолог и физиолог, будущий лауреат Нобелевской премии и президент Парижской Академии наук, последовательный борец за мир Шарль Рише писал в своей книге «Военное прошлое и мирное будущее»: «У нас есть родина и надо её любить, т. е. быть решительным националистом. Но мы обладаем и другой великой родиной — человечеством. Её также следует любить, являясь решительным интернационалистом. И, если меня спросят, почему я интернационалист, то получат ответ, что я страстно люблю родину» (цит. по: Соловьёв О. Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 36).

[117] Жорес Ж. Против войны и колониальной политики. М., 1961. С. 194.

[118] Критические заметки Р. М. Плехановой. Писано в 1925 г. в первый свой приезд на Родину // Кентавр. 1992. Сентябрь—октябрь. С. 154—155.

[119] Об истории несостоявшегося хождения Плеханова во власть подробнее см., напр.: Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 332—333.

[120] Цит. по: Вопросы истории КПСС. 1991. № 8. С. 68.

[121] «Необходимо противопоставить…» № 3. С. 139.

[122] Министр торговли и промышленности Временного правительства Сергей Прокопович на Государственном совещании в Москве в августе 1917 г. говорил: «Нет ни одной отрасли промышленности, в которой не наблюдалось бы резкое падение производительности труда. Конечно, это падение в значительной мере… обусловливается изношенностью машин, но вместе с тем отчасти это падение обусловливается и ослаблением труда рабочих… Дальнейшее падение производительных сил угрожает гибелью всему государству…» (Цит. по: Драма истории. Публ. А. Крушельницкого // Родина. 1990. № 6. С. 11).

[123] Дейч Л. Г. Указ. соч. С. 57.

[124] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 31.

[125] См.: Там же. Т. 1. С. 90; Т. 2. С. 41, 43—44, 130, 143—144, 150 и др.; Плеханов Г. В. Открытое письмо к петроградским рабочим // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 5. С. 150.

[126] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 81, 82.

[127] См.: Там же. С. 98, 101.

[128] Цит. по: Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 194.

[129] Подробнее содержание данных приказов см., напр.: Горинов М. М. Керенский // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 145.

[130] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 138.

[131] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 799.

[132] См.: Плеханов Г. В. Война и мир. С. 16—17.

[133] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 100.

[134] Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 304.

[135] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 219—220.

[136] Алексинский Г. Война и революция. С. 46.

[137] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 234.

[138] Ипполитов Г. М. Почему провалилось летнее наступление русской армии на Западном фронте в 1917 г. // Актуальные вопросы российской военной истории: Материалы Двадцать третьей Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2001. С. 112.

[139] См.: Станкевич В. Б. Указ. соч. С. 81.
[140] См.: Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 383.
[141] Цит. по: Образцов И. Сила и дух // Родина. 1993. № 8—9. С. 64.
[142] Ипполитов Г. М. Указ. соч. С. 110.
[143] См.: Образцов И. Указ. соч. С. 65.
[144] Станкевич В. Б. Указ. соч. С. 85.
[145] Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 306.
[146] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 28—29.
[147] Там же. С. 214, 216.
[148] Алексинский Г. Война и революция. С. 45—46.
[149] Алексинский Г. Кто виноват? С. 2.
[150] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 20—21, 22.
[151] Там же. С. 28.
[152] Валентинов Н. В. Указ. соч. С. 187.
[153] Цит. по: Горинов М. М. Указ. соч. С. 146.
[154] См.: Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 115—116.
[155] См.: Там же. С. 126, 124.
[156] Там же. С. 197.
[157] Там же. С. 126—127.
[158] Цит. по: Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. М., 1961. С. 234.
[159] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 198.
[160] Там же. С. 203—205.
[161] См.: Там же. С. 198.
[162] Там же. С. 124.
[163] Там же. С. 111.
[164] Там же. С. 201.
[165] Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 335.
[166] См.: Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 333—334; Станкевич В. Б. Указ. соч. С. 54—55; Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 293.
[167] Там же. Т. 2. С. 800.
[168] См.: Алексинская Т. Указ. соч. Кн. 90. С. 130, 138.
[169] Арзаев Ю. Г. В. Плеханов. 1857—1918. (Биографический очерк) // Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. XLI.
[170] Там же. Т. 2. С. 36.
[171] Алексинская Т. Указ. соч. Кн. 90. С. 128.
[172] См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 286, 293.
[173] См.: Валентинов Н. В. Указ. соч. С. 185, 191; Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 111 и др.
[174] Алексинская Т. Указ. соч. Кн. 90. С. 130, 138.
[175] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 158, 160—161; Т. 1. С. 89.
[176] См.: Алексинская Т. Указ. соч. Кн. 90. С. 144; Алексинский Г. Кто виноват? С. 2.
[177] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 116—118.
[178] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 425.
[179] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 118—119.
[180] Валентинов Н. В. Указ. соч. С. 185—186.
[181] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 178.

[182] Официальная германская социал-демократия представляла себе возможным заключение мира на следующих условиях: 1) возвращение всех захваченных Германией и её союзниками земель; 2) предоставление российской Польше полной свободы — объявить независимость или присоединиться к России, а познанским полякам — культурно-национальной автономии; 3) восстановление независимости Бельгии, Румынии, Сербии и Черногории; 4) получение Болгарией болгарских областей Македонии, а Сербией — свободного выхода к Адриатическому морю; 5) мирное соглашение относительно исправления франко-германской границы в Эльзасе и Лотарингии. В. Ленин был убеждён, что устами германских социал-демократов говорило в данном случае кайзеровское правительство (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 365, 368, 369).
[183] Плеханов Г. В. Война и мир. С. 28.
[184] Там же. С. 27.
[185] Там же. С. 28, 23.
[186] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 50.
[187] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 800.
[188] См.: Плеханов Г. В. Война и мир. С. 24; Его же. Год на Родине. Т. 1. С. 50, 78.
[189] Плеханов Г. В. Война и мир. С. 26—27.
[190] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 364, 366—367, 369.
[191] Плеханов Г. В. Война и мир. С. 27—28.
[192] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 74.
[193] См.: Алексинский Г. Война и революция. С. 43; Его же. Кто виноват? С. 2.
[194] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 77.
[195] Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 207.
[196] Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 218, 219, 221—222.
[197] Там же. Т. 1. С. 182.
[198] Там же. Т. 2. С. 218—219.
[199] Алексинская Т. Указ. соч. Кн. 90. С. 126.
[200] Валентинов Н. В. Указ. соч. С. 191.
[201] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 797.
[202] Там же.
[203] Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 2. С. 274.
[204] См.: Валентинов Н. В. Указ. соч. С. 191.
[205] См.: Там же.